

РЕСТАВРАТОР ЛОЖНОЙ ИМПЕРИИ

— ТИМОФЕЙ АРСКИЙ —

Тимофей Арский

Реставратор ложной империи

«Автор»

2026

Арский Т.

Реставратор ложной империи / Т. Арский — «Автор», 2026

Реставратор Елена Воронцова падает с музейных лесов — и приходит в себя во дворце разделённой империи. Здесь освящённые фрески решают, кому принадлежит власть, вода и даже прошлое семьи, а законченные портреты открывают двери между переписанными версиями истории. Придворный маг Лоран Вейр обещает вернуть Елену домой, если она восстановит удобный императорский слой. Но под золотом проступают городские выборные, стёртые хартии и лица людей, лишённых своих прав. Чтобы сохранить свидетельства, Елене придётся научить горожан проверять стену сообща — и уничтожить единственный портрет, ведущий в её мир. «Реставратор ложной империи» — самостоятельный приключенческий роман о материальных следах, цене единственной правильной версии и праве каждого оставить проверяемую поправку.

© Арский Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Падение в стену	6
Глава 2. Лицо под золотом	16
Глава 3. Сорок дней до венца	26
Глава 4. Пыль на подоконнике	39
Глава 5. Описание, которого не было	46
Глава 6. Вдова живописца	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Тимофей Арский

Реставратор ложной империи

От автора

Старинная стена редко хранит одну картину. Под поздней краской остаются линии прежнего замысла, швы ремонта, следы пожара, чужая подпись и место, которое кто-то намеренно закрыл. Реставратор не возвращает стене единственно правильное прошлое. Он учится различать слои и отвечает за то, чтобы его собственная рука не стала следующим способом что-нибудь спрятать.

Этот роман — о мире, где изображённая версия истории имеет силу закона, а законченный портрет способен открыть настоящую дверь. Но главное в нём не волшебная краска. Главное — кому позволено решать, какой слой считать правдой, кто платит за удобную ясность и можно ли сохранить противоречивые свидетельства, не оставляя их во власти одного хранителя.

Героиня приносит в чужую империю профессиональный навык, но не готовые ответы. Материал подсказывает ей последовательность работ; смысл приходится восстанавливать вместе с людьми, чьи семьи, дома и права зависят от стены. Поэтому здесь важны не только открытые изображения, но и подписи к ним, сомнения, ошибки и право другого человека проверить вывод.

Перед вами самостоятельная история. Для неё не нужно знать другие книги или разбираться в реставрации. Достаточно помнить: под гладкой поверхностью почти всегда есть след того, что было раньше.

Глава 1. Падение в стену

Леса качнулись не тогда, когда Елена потянулась к трещине, а на секунду раньше.

Эту секунду она потом вспоминала точнее всего. Не вскрик из нижнего зала, не сухой треск доски и даже не белое окно под ногами, а едва заметное движение всей конструкции — будто огромное деревянное животное набрало воздух. Рабочая площадка ушла влево. Банка с растворителем покатилась к краю. Елена успела прижать ладонь к холодной стене, и пальцы легли на раскрытый шов между двумя кирпичами.

В музее пахло известью, старым деревом и мокрой шерстью её перчаток. За высоким окном плыл ноябрьский Новгород. Снег ещё не лёг, но крыши уже выцвели, вода в Волхове казалась свинцовой, а в пустом зале бывшего монастыря было так холодно, что дыхание белело перед лицом. Отопление отключили три дня назад. Через неделю должны были закрыть и сам музейный филиал — «до определения дальнейшей судьбы объекта», как значилось в письме на директорском столе.

Елена пришла снять последние пробы. Не спасти всю роспись, не завершить укрепление, не совершить чудо перед ликвидационной комиссией. Всего лишь оставить после себя честную карту повреждений: здесь соль, здесь отслоение, здесь поздняя запись поверх старого лика. Чтобы следующий человек, если он когда-нибудь появится, не начал работу вслепую.

Она знала цену этому «если».

Доска под правой ногой лопнула.

Елена рванулась к стойке. Страхочная верёвка натянулась поперёк бедра, карабин звякнул, но анкер, вбитый в рыхлый шов, вышел из стены вместе с крошкой кирпича. Перед глазами оказался фрагмент росписи: тёмная ладонь святого, край синего плаща, тонкая царапина от чужого шпателя. Елена нелепо подумала, что царапину так и не успели занести в опись.

Потом деревянный настил ударил её по колену, потолок перевернулся, и стена пошла навстречу.

Она не потеряла сознание сразу. Был толчок в плечо, хруст, от которого внутри всё сжалось, и ощущение, будто лицо окунули в тёплую пыль. Известь забила рот. Елена попыталась вдохнуть и услышала далёкий металлический звон. Он повторялся через равные промежутки.

Не пожарная тревога. Не телефон.

Колокол.

Она открыла глаза.

Перед ней была стена, но не та.

Вместо поблекшей росписи на кирпичной кладке тянулось густое золотое поле. Оно начиналось в нескольких сантиметрах от её лица и уходило вверх, к своду, которого Елена не видела. По золоту бежала трещина толщиной с волос. В ней застряла красная пыль. Рядом лежала её правая рука — без перчатки, с содранной кожей на костяшках. Левая не сразу послушалась. Когда Елена всё-таки шевельнула ею, плечо обожгло так, что она застонала.

Под щекой скрипела доска.

Елена медленно повернула голову. Она лежала на широком настиле, высоко над залом. Леса были деревянными, связанными толстыми верёвками и укреплёнными косыми подпорками. Никаких стальных труб, винтовых опор и сетки. Между досками зияли щели. Внизу двигались люди в длинных тёмных одеждах. Ещё ниже блестел пол, выложенный чёрным и белым камнем.

Колокол ударил снова.

Кто-то закричал. Слова были незнакомыми, но смысл первого возгласа Елена поняла без перевода: наверху человек, он упал.

По лестнице застучали сапоги.

Она попробовала сесть. Мир поплыл, золотая стена отделилась и вернулась. В левом виске глухо билось. Колено распухало прямо под джинсами, зато стопа двигалась. Рёбра отзывались болью на вдох, но не так, как при переломе. Елена ощупала затылок, посмотрела на пальцы — крови не было.

Телефон оставался в нагрудном кармане куртки. Экран был покрыт паутиной трещин и не загорался. Фонарик, складная лупа и маленький скальпель висели на поясе. Респиратор болтался на шее. Всё её, всё с ней. Даже полосатый шерстяной носок виднелся над ботинком там, где задралась штанина.

Значит, это не сон, решила она с нелепой уверенностью человека, которому нужно выбрать хотя бы одну опору. Во сне не болит колено так подробно.

Над краем настила показалось лицо. Молодой мужчина в кожаном нагруднике замер, увидев Елену, и резко отпрянул. Снизу спросили. Он ответил уже тише. Елена уловила повторяющееся слово — «мастера» или «мастерица». Язык был чужим, с твёрдыми согласными, но через несколько фраз слова начали как будто выныривать из воды. Не становились знакомыми — сразу приобретали смысл, минуя узнавание.

— Откуда она взялась?

— Была на верхнем ярусе.

— Там никого не было.

— Теперь есть.

Мужчина снова поднялся и протянул руку.

— Не двигайся резко. Лестница держит плохо.

Елена почти рассмеялась. Совет был запоздалым, но разумным.

— Где я?

Мужчина моргнул.

— Во дворце.

— В каком городе?

Он оглянулся вниз, будто проверяя, не слышит ли кто-нибудь странный вопрос.

— В Астере. Южный дворец.

Название ничего ей не сказало. Ни город, ни дворец, ни герб на его нагруднике — белая башня, рассечённая красной полосой. Елена позволила помочь себе сесть. Мужчина держал крепко и без лишней суеты. Он был младше неё, лет двадцати пяти, с коротко остриженными волосами и известковой пылью на рукаве. Не стражник, несмотря на кожу и нож у пояса: ногти ввелись серым, на большом пальце был знакомый ожог от щёлочи.

— Ты штукатур?

Он опять посмотрел с удивлением.

— Ученик каменщика. Варн.

— Елена.

— Из какой мастерской?

Внизу прозвучала команда, и по залу прокатился шум. На леса поднимались ещё двое. Первый — грузный мужчина с обвислыми усами и связкой инструментов на поясе. Второй — стражник в металлическом шлеме. Варн убрал руку, словно прикосновение к незнакомке могло оказаться нарушением приказа.

Усатый тяжело вскарабкался на площадку, оценил Еленины джинсы, куртку, ботинки и задержал взгляд на респираторе.

— Жива?

— Пока да, — ответила Елена.

— Говорит по-нашему.

— Я заметил.

Он присел, не спрашивая потрогал её колено и получил по руке.

— Не трогайте.

— Если сломано, вниз не спустишься.

— Если сломано, ваше ощупывание не поможет.

Усатый хмыкнул. Стражник не разделял его веселья. Он смотрел на Елену так, как смотрят на подозрительный свёрток у двери.

— Имя.

— Елена Воронцова.

— Дом, цех, поручитель.

— У меня нет здесь дома, цеха и поручителя.

— Тогда как ты вошла во дворец?

Елена посмотрела в зал. Четыре двери, у каждой вооружённые люди. Высокие окна закрыты цветными пластинами, похожими на слюду. Под потолком тянулась галерея. Даже если забыть о невозможном прыжке из Новгорода в несуществующую Астеру, войти сюда немеченой было бы трудно.

— Упала, — сказала она.

— Откуда?

— С лесов.

Стражник нахмурился.

— На леса?

— Похоже на то.

Усатый фыркнул, но его взгляд уже ушёл с Елены на стену. Там, где она пришла в себя, золотое поле было вдавлено плечом. По свежей трещине осыпалась крошка. Несколько красных зёрен лежали на доске.

Лицо мужчины изменилось.

— Вниз её. Сейчас же. Варн, позови Харса. Скажи, нужен раствор, мелкий песок и широкое железо.

Елена перестала слушать на словах «широкое железо».

Она повернулась к стене, опираясь здоровой рукой о доску. Золото покрывало плащ огромной фигуры. Выше, метрах в четырёх над площадкой, начиналась грудь в белом панцире. Ещё выше должна была находиться голова. Судя по масштабу, на стене был изображён правитель, стоящий над людьми или городом. У Елениного плеча проходил край плаща. Удар раскрыл узкую щель в верхнем слое.

В глубине щели краснела не кладка.

Елена придвинулась. Боль в колене стала далёкой. Она достала лупу, поднесла к трещине, поймала свет.

Верхний золотой слой лежал на светлом грунте. Под ним шла тонкая серая прослойка, слишком ровная для естественного загрязнения. Ещё ниже виднелась киноварь — не отдельные зёрна в штукатурке, а плотный красочный слой. Он уходил под золото. Там, где трещина расширялась, красная дуга была обведена чёрным.

Не случайное пятно.

Часть века.

Под золотым плащом находился чей-то глаз.

— Не трогайте стену, — сказала Елена.

Усатый уже развязывал сумку с инструментами.

— Что?

— Ничем не трогайте. Ни железом, ни раствором. Сначала надо понять, что отслоилось.

— Ты ударила государев лик и теперь будешь учить меня заделывать выбоину?

— Я ударила нижний край плаща. Лик в четырёх метрах отсюда. А под плащом другая роспись.

Варн тихо втянул воздух. Стражник шагнул ближе.

— Повтори.

Елена показала на трещину, не касаясь её.

— Верхняя запись сделана позже. Под ней есть фигура. Возможно, несколько. Если сейчас расширить щель железом и забить раствором, вы уничтожите край нижнего изображения и смешаете слои. Потом никто не докажет, что здесь было.

Усатый распрямился.

— На этой стене всегда был Первый император.

— Я не говорю, кто здесь был и когда. Я говорю, что вижу. Золото лежит поверх красной краски.

— Красная подкладка.

— Тогда она должна повторяться по всей площади и лежать непосредственно под золотом. Здесь между ними отдельный грунт и серая прослойка. Посмотрите на край.

Мужчина не посмотрел. Это было хуже возражения: он боялся увидеть.

Снизу опять закричали, требуя поторопиться. В зал вошла группа людей в светлых плащах. Перед ними расступились. Один поднял голову, и даже с высоты Елена различила серебряную цепь на его груди.

Стражник у края настила выпрямился.

— Управитель идёт. До осмотра стена должна быть целой.

— За несколько минут целой она не станет, — сказала Елена. — Вы только спрячете повреждение.

— Этого достаточно.

Усатый вынул широкий плоский инструмент. Не шпатель: заточенная железная лопатка с тяжёлой ручкой. Варн принёс ведро мутной смеси. Раствор выглядел слишком мокрым и крупнозернистым. Им можно было заделать щель в кладке, но не укрепить живописный слой.

Елена поднялась на здоровую ногу. Площадка тут же качнулась. Варн подхватил её за локоть.

— Сядь, мастерица.

— Как зовут вашего старшего?

— Харс Дален, — сказал усатый. — Старший дворцовый штукатур. И я приказываю тебе сесть.

— Господин Дален, если вы заведёте этот раствор под край, вода потянет соли из стены. При высыхании они выйдут под золотом. Сначала появятся белые точки, потом слой начнёт отходить шире. Выбоина станет незаметной до коронации, а через месяц плащ осыплется.

Слово «коронация» Елена повторила за криком снизу. Оно заставило Харса замереть.

— Через сорок дней, — сказал Варн так тихо, будто сообщал секрет.

— Тем более нельзя делать вслепую.

Стражник положил ладонь на рукоять меча.

— Север присылает людей через девять дней. Стена не останется повреждённой.

— Тогда укрепите края и закройте участок тканью. Это будет честнее и безопаснее.

— Честнее? — переспросил Харс.

Елена поняла, что выбрала опасное слово. В обычной мастерской честность означала не выдавать запись девятнадцатого века за слой пятнадцатого и отмечать каждое вмешательство в журнале. Здесь, судя по лицам, честность могла оказаться политическим обвинением.

Снизу назвали имя Первого императора. Люди в светлых плащах остановились прямо под лесами.

— Чья она? — спросил управитель.

Стражник перегнулся через край.

— Не установлено, господин. Обнаружена на верхнем ярусе после удара колокола. Повредила южный край образа.

— Спустить и запереть. Повреждение убрать.

Харс поднял лопатку.

Елена встала между ним и стеной.

Это было глупо. Она едва держалась, не знала города, закона и даже того, почему понимает речь. Стражник мог стащить её вниз, Харс — оттолкнуть, а управитель — приказать сделать что-нибудь хуже запирания. Но узкая трещина уже раскрыла достаточно, чтобы увидеть глаз. Если её сейчас забьют раствором, красочная кромка размокнет. При следующем вскрытии — если оно будет — нижний слой выйдет вместе с заплатой.

Елена слишком много раз видела следы таких быстрых решений. Чужая спешка переживала людей, комиссии и учреждения. Кто-то заделывал, кто-то закрашивал, кто-то писал в отчёте «историческая поверхность не обнаружена», потому что обнаруживать было некогда.

— Отойдите, — велел стражник.

— Дайте мне четверть часа.

— На что?

— Закрепить край без раствора и показать, что под ним.

Харс покраснел.

— Она признаётся, что хочет вскрыть государев образ.

— Нет. Я хочу не дать ему осыпаться. Вскрывать без решения нельзя. Но осмотреть можно.

Елена сняла с пояса фонарик. Он был маленький, аккумуляторный, и после падения мог не работать. Она нажала кнопку. Белый луч резанул по золоту.

Все отшатнулись.

Стражник выхватил меч. Варн выпустил ведро, но успел поймать за дужку. Внизу поднялся крик. Елена чуть не уронила фонарик и поспешно направила свет себе под ноги.

— Это лампа. Без огня. Она не обжигает.

— Погаси, — прошептал Харс.

— Сначала посмотрите.

Она прижала фонарик к стене сбоку от трещины. Косой свет выявил то, чего не было видно при ровном освещении из окон. Золотая поверхность пошла волнами. В верхнем слое проступил прямоугольник — граница большого поновления. Его край проходил от плаща вверх и вправо. Чуть ниже виднелись ряды мелких уколов: старую поверхность специально наскли, чтобы новая штукатурка держалась.

Варн смотрел, забыв про ведро.

— Это следы зубца.

— Да, — сказала Елена. — Стену готовили под новый слой. Не всю. Только этот участок.

Харс наклонился. Любопытство ремесленника победило страх перед приказом, по крайней мере на несколько вдохов. Он провёл пальцем по воздуху над границей прямоугольника.

— Здесь ровняли тёркой. Старой, с тремя выбитыми зубьями.

— Вы её знаете?

— В кладовой лежала такая. Её не брали с тех пор, как я был учеником.

— Сколько лет?

— Двадцать семь.

— Верхний слой моложе стены как минимум на время этой переделки. Возможно, намного моложе. А красный слой — ниже.

Стражник всё ещё держал меч, но уже смотрел не на фонарик, а на глаз в трещине. Елена повернула луч так, чтобы не слепить его. Чёрная линия стала яснее. Над ней обнаружили три

коротких штриха — ресницы. Изображение было крупным, но не таким крупным, как фигура императора. Значит, под плащом мог стоять человек обычного для композиции размера.

Снизу потребовали объяснений.

Харс облизнул пересохшие губы.

— Господин управитель, край нельзя забивать сырым составом. Старый грунт отойдёт. Нужна сухая перевязь и осмотр мастера живописи.

Елена посмотрела на него. Он не упомянул вторую фигуру, но повторил её решение. Пока этого хватало.

— Ты только что собирался замазать, — донеслось снизу.

— Я не видел пустоты под записью.

В зале стало тихо.

Управитель долго не отвечал. Затем спросил:

— Какая запись?

Харс закрыл глаза.

Елена могла промолчать и позволить ему выкрутиться. Могла сказать о старой штукатурке, о ремонте, о любой безопасной мелочи. Но снизу уже видели белый луч. Стражник видел глаз. Варн видел следы зубца. Скрыть открытие означало сразу превратить их всех в соучастников лжи, смысла которой она ещё не понимала.

— Под золотым плащом есть более ранняя живопись, — сказала Елена громко. — Я не знаю, что на ней изображено. Чтобы это установить, нужен осмотр без разрушения.

Тишина продержалась ещё один удар сердца.

Потом люди внизу заговорили разом.

Управитель поднял руку, и шум оборвался.

— Кто ты?

— Реставратор монументальной живописи.

Слова прозвучали по-русски — Елена была уверена, — но люди поняли их. Варн повторил первое, медленно, будто пробовал незнакомое ремесло на слух.

— Рес-тав-ра-тор.

— Я сохраняю настенную живопись. Укрепляю, расчищаю, различаю поздние слои и первоначальные. Но не решаю одна, что уничтожить, а что оставить.

— У нас мастер отвечает за результат, — сказал управитель.

— У нас тоже. Поэтому мастер не должен притворяться, что знает то, чего не проверил.

Харс бросил на неё быстрый взгляд: то ли благодарный, то ли обречённый.

У дальней двери появился новый человек. Он не носил светлого плаща, но все расступались перед ним быстрее, чем перед управителем. Высокий, сухощавый, с проседью на висках, он шёл без оружия. В руке держал овальную раму размером с ладонь. В раме темнел мужской портрет.

Елена увидела движение внутри изображения.

Не блик. Нарисованный мужчина повернул голову.

По коже побежал холод. Боль, зал, невозможный язык — всё ещё можно было объяснять травмой, сном, горячечным бредом. Но глаза на портрете посмотрели прямо вверх, на леса, и фигура внизу повторила то же движение.

— Лоран Вейр, — шепнул Варн и опустил голову.

Имя произнесли так, будто его не полагалось говорить стоя выше владельца.

Вейр остановился рядом с управителем.

— Покажите свет ещё раз, мастерица.

Елена не спросила, откуда он знает, как к ней обращаться. Подняла фонарик и направила луч вдоль стены. Прямоугольник поновления выступил отчётливо. Вейр следил не за ним. Он смотрел в раскрытую трещину.

Портрет в его руке потемнел.

На мгновение Елене показалось, что человек внутри рамы прижал ладонь к нарисованному стеклу.

— Любопытный прибор, — сказал Вейр. — И своевременное падение.

— Для моего колена — не очень.

Уголок его рта дрогнул. Управитель не позволил себе улыбнуться.

— Вы утверждаете, что изображение императора написано поверх другого?

— Я утверждаю только то, что могу подтвердить сейчас. Есть верхний слой с золотом. Есть нижний красочный слой. Между ними прослойка и новый грунт. Верхний слой моложе. Что именно внизу и когда это написано, я не знаю.

— Но хотите узнать.

— Да.

— Даже не зная, где находитесь.

— Именно поэтому. Когда ничего не знаешь, приходится начинать с того, что можно проверить руками.

Вейр поднял овальную раму. Нарисованное лицо внутри снова стало неподвижным.

— Редкая скромность для человека, свалившегося с пустого яруса и сразу объявившего дворцовую стену многослойной.

— Она многослойная независимо от того, объявляю я это или нет.

Харс тихо выдохнул сквозь зубы. Варн устался на доски.

Вейр поднялся на первую перекладину лестницы. Стражник хотел помочь, но он отстранил его. Лез уверенно, хотя длинная тёмная одежда мешала ногам. На площадке стало тесно. От него пахло сухими травами и металлом после грозы.

Он не приблизился к трещине. Встал в шаг, оглядел золотой плащ, Елену, фонарик и осколки её телефона, блеснувшие в кармане.

— До венчания сорок дней, — сказал он. — Через девять дней придут северные наблюдатели. Они сочтут любую трещину знаком слабости Южного двора. Любую фигуру под государевым образом — заявлением о незаконности власти. Вы предлагаете оставить повреждение открытым.

— Я предлагаю не превращать повреждение в утрату.

— Разница понятна мастеру. Толпе — нет.

— Тогда закройте участок экраном и допустите к осмотру несколько мастеров с обеих сторон.

— С обеих?

Елена мысленно выругалась. Она уже второй раз вступала в местную политику одним неосторожным словом.

— Несколько независимых людей, — поправила она. — Чтобы мои выводы можно было проверить.

— Вы ещё ничего не знаете о наших сторонах, но уже желаете независимой проверки.

— Это полезно в любом городе.

Вейр посмотрел на неё внимательнее. Его глаза были серыми, почти бесцветными. В них не было ни испуга Харса, ни подозрения стражника. Только расчёт. Елена вдруг поняла, что глаз под золотом не стал для него неожиданностью.

Он знал о нижнем слое.

Вопрос был не в том, что скрыто. Вопрос был в том, сколько увидела она.

Елена опустила фонарик. Заряд мог закончиться, и лучше было не показывать, насколько она зависит от маленького прибора.

— Харс, — сказал Вейр, — укрепите край так, как предлагает гостья. Без мокрого раствора. Поставьте ткань и печать галереи. Варн останется здесь.

Старший штукатур поклонился так резко, что звякнули инструменты.

— Управитель, приготовьте для мастерицы комнату в восточном крыле. Под охраной. Позовите лекаря.

— Я не ваша гостья, — сказала Елена.

— Разумеется. Гости обычно входят через двери.

Вейр протянул руку.

Елена не приняла её.

— Сначала край.

— Вы едва стоите.

— Поэтому пусть Варн работает. Я объясню.

Маг — если слово «маг» вообще годилось для человека с живым портретом — задержал руку в воздухе и медленно убрал.

— Четверть часа, — сказал он. — Вы сами просили.

Харс нашёл в сумке полоску редкой ткани. Елена заставила его отложить жёсткую кисть и выбрать мягкую, с коротким ворсом. Сухую пыль вокруг повреждения снимали не со всей поверхности, а только там, где она мешала увидеть края. Варн держал фонарик и учился вести луч сбоку. Его руки сначала дрожали, потом успокоились.

— Не дави, — говорила Елена. — Кисть почти не касается. Смотри, движется ли чешуйка. Если движется, оставь.

— А как её вернуть?

— Пока никак. Сначала удержать от падения.

У них не было ни японской бумаги, ни подходящего клея, ни шприца для точечной подводки состава. Елена попросила тонкую ткань, мягкий воск и две лёгкие деревянные планки. Харс спорил про воск, но принёс другой материал — прозрачную вязкую смолу, которой местные временно прихватывали рисунки перед переносом. Елена понюхала, растёрла каплю между пальцами и отказалась: состав мог оставить пятно и проникнуть в поры.

В конце концов они сделали не укрепление, а защиту. Натянули ткань на планки так, чтобы она не касалась стены, и прикрыли участок от сквозняка. Под ослабленный край подвели широкую полоску тонкого полотна без клея — страховочную петлю, которая поймает чешуйку, если та оторвётся. Харс прикрепил планки к старым отверстиям в лесах, не забивая ничего в кладку.

Работа заняла больше четверти часа. Вейр не напомнил о сроке.

Когда экран был готов, Елена попросила обломок угля и кусок ткани. На ткани она набросала схему: граница верхнего слоя, положение трещины, красная дуга, три ресницы, направление насечки. Рисовать на весу мешало плечо. Линии получались грубыми, но происхождение находки теперь существовало не только в памяти присутствующих.

— Подпишите, — сказала она Харсу.

— Что?

— Что видели до закрытия. Ты, Варн и стражник.

Стражник напрягся.

— Я не писец.

— Поставьте знак. Каждый свой.

— Зачем?

— Чтобы завтра никто не сказал, будто глаз дорисовала я.

Варн первым взял уголь. Он вывел угловатый знак рядом со схемой. Харс помедлил, затем поставил три короткие черты, похожие на зубцы старой тёрки. Стражник отказался.

Вейр снял с пальца перстень.

— Моей печати хватит?

— Если копия останется не только у вас.

Теперь он улыбнулся открыто.

— Вы быстро осваиваетесь при дворе.

— Я много работала с комиссиями.

Он прижал перстень к мягкому воску, которым Харс закрепил свёрнутый край ткани. Знак изображал две двери, обращённые друг к другу.

Елена попросила разрезать рисунок пополам. Одну часть отдала Харсу, вторую сложила и убрала во внутренний карман. Вейр не возражал. Это беспокоило сильнее, чем если бы он приказал отнять обе.

Спуск оказался хуже падения — потому что теперь Елена видела высоту. Варн шёл первым, переставляя её ноги с перекладины на перекладину, Харс страховал сверху. Лестница была приставной, без крепления. На середине зал качнулся. Елена прижалась лбом к дереву и переждала тошноту.

Внизу её подхватили двое слуг. Она велела не сгибать больное колено и потребовала доску вместо мягких носилок. Лекаря рядом ещё не было. Люди вокруг разглядывали её одежду и обувь. Кто-то коснулся светоотражающей полосы на куртке и тут же отдернул руку.

Елена посмотрела вверх.

Защитная ткань закрывала трещину небольшим светлым прямоугольником. В масштабе огромной стены он казался пластырем на мантии великана. Над ним стоял Первый император — молодой, безупречный, с золотым венцом и раскрытой ладонью. По обе стороны от него были изображены башни двух городов. Между башнями тянулась белая дорога. У ног правителя люди протягивали ему свитки.

Или он отбирал их.

Теперь Елена видела границу поновления целиком. Она захватывала фигуру императора от плеч до нижнего края плаща. Голова и венец могли принадлежать более старой композиции, переделанной частично. Белая дорога исчезала под его одеждой. Прямоугольник был достаточно велик, чтобы скрыть не одного человека, а целую группу.

На противоположной стене висели портреты в человеческий рост. Законченные, тщательно выписанные лица смотрели в зал. Один фон за плечом изображённой женщины дрогнул, как поверхность воды. Женщина шагнула назад и исчезла в нарисованной двери.

Никто, кроме Елены, не удивился.

Вейр спустился последним. Овальная рама опять была у него в руке.

— Лекарь осмотрит вас, — сказал он. — Потом вы расскажете, откуда прибыли и кто научил вас работать со стенами.

— А потом?

— Потом вы восстановите образ к венчанию.

— Какой слой?

В зале снова стало тихо, хотя Елена задала вопрос негромко.

Вейр взглянул на светлый экран над ними.

— Тот, который удержит империю от войны.

— Это не ответ реставратора.

— Здесь стены дают ответы не только реставраторам.

Он пошёл к выходу. Управитель и люди в светлых плащах двинулись следом. Стража окружила Еленины носилки, оставив Варна и Харса у лесов.

У самой двери Елена повернула голову. Варн стоял на нижней перекладине и смотрел вверх, туда, где под золотым плащом прятался красный глаз. Харс держал половину угольной схемы обеими руками.

Сорок дней, подумала Елена.

Она не знала, что произойдёт после коронации, почему нарисованные двери пропускают людей и каким образом упала из закрываемого новгородского музея в этот зал. Не знала, лгал ли Вейр о войне. Не знала даже, вернётся ли домой.

Но одно она уже могла установить наверняка.

Стену переписали.

И человек, от которого здесь зависело её будущее, хотел не узнать, что было под золотом, а выбрать, какой слой должен считаться прошлым.

Глава 2. Лицо под золотом

Лекарь объявил Елену целой с таким видом, будто сделал ей одолжение.

Он пришёл поздно вечером, когда за узким окном выделенной комнаты уже не осталось ничего, кроме чёрного стекла. Елена успела пересчитать шаги от кровати до двери, проверить решётку, найти кувшин с водой и убедиться, что обе половины окна открываются только наружу на ширину ладони. У двери сменялись двое стражников. Сапоги одного скрипели через каждые семь вдохов: он переносил вес с пятки на носок и обратно.

Лекарь был седым, чисто выбритым и раздражённым. Он ощупал Еленины рёбра, заставил поднять руки, посмотрел зрачки при свете масляной лампы. Колено обернул полотном с холодной кашицей, пахнувшей мятой и глиной.

— Кость не ходит, — заключил он.

— Это хорошо?

— Если бы ходила, ты бы кричала.

— Можно более точное заключение?

— Можно. Три дня не вставать.

— Завтра мне нужно к стене.

— Тогда зачем спрашивала?

Он затянул повязку, велел не греть ушиб и оставил горький отвар. Елена дождалась, пока дверь закроется, вылила половину отвара в таз для умывания, а вторую всё-таки выпила. Она не знала местных растений, но сон ей был нужен сильнее осторожности.

Перед тем как лечь, Елена вынула из внутреннего кармана свою половину угольной схемы. Ткань помялась, воск на краю сохранил отпечаток перстня Вейра: две двери, обращённые друг к другу. Рядом с границей поновления стояли знак Варна и три зубца Харса. Елена добавила дату по собственному календарю, затем зачеркнула. Здесь её дата ничего не доказывала.

Она написала: «Первый день. До венчания сорок дней».

Утром её разбудил стук печатных литер.

Звук доносился со двора: короткие металлические щелчки, затем деревянный удар, скрип, пауза. Елена подошла к окну, щадя ногу. Внизу, под навесом, двое работников разгружали небольшую ручную машину. Рядом стоял высокий мужчина в сером кафтане и проверял ящики. Он доставал из каждого одну литеру, смотрел на торец и возвращал на место. Делал это быстро, левой рукой. Правая была перевязана у запястья узкой кожаной лентой.

На столе уже лежал свежий лист. Ветер приподнял угол, и Елена успела увидеть рисунок парадной фрески: Первый император, две башни и золотой плащ. Под рисунком шли ровные строки.

Лист был готов до осмотра стены.

Елена постучала в дверь.

Стражник со скрипучими сапогами открыл не сразу.

— Мне нужны костыли.

— Лекарь велел лежать.

— Маг велел восстановить стену. Решите, чьё распоряжение важнее.

Стражник задумался. Дворцовая служба, поняла Елена, в любом мире держалась на страхе выбрать неправильного начальника.

Через четверть часа ей принесли гладкую палку с поперечиной. Костылём это можно было назвать только из вежливости. Елена обмотала поперечину полотенцем, надела куртку и вышла в коридор.

Её повели не к главной лестнице, а через служебные переходы. Дворец оказался собран из разновременных частей. Белёные своды сменялись тёмными деревянными потолками, каменные ступени — кирпичными. На стенах висели портреты. Некоторые были незавершёнными: вместо лиц серый грунт, вместо рук угольные очертания. Перед законченными стояла стража.

Елена замедлила шаг у изображения молодой женщины в зелёном платье. За её спиной был написан тот самый зал с фреской. Поверхность картины казалась обычной, пока к ней не подошёл чиновник с деревянной дощечкой на груди. Стражник сверил дощечку, коснулся рамы и назвал место. Воздух в нарисованном зале дрогнул. Чиновник шагнул прямо в полотно и исчез.

— Не задерживаться, — сказал сопровождающий.

— Как картина узнаёт, куда его пропустить?

— Галерея узнаёт.

— А если фон переписать?

Стражник посмотрел на неё с неподдельным ужасом.

— Зачем?

Елена не ответила. Значит, связь картины с местом была привычной и священной настолько, что вопрос о переделке звучал как предложение отпилить лестнице ступени во время подъёма.

В зале Харс уже снял внешний экран. Под ним висела страховочная полоска полотна, установленная накануне. Ни одна чешуйка не упала. Варн держал лампу и терпеливо ждал, пока старший осмотрит края.

Мужчина из двора стоял рядом с лесами. Вблизи он оказался лет тридцати восьми, худой, темноволосый, с глубокими складками у рта. На сером кафтане были пятна типографской краски. На пальцах — тоже. Он читал угольную копию рисунка, не ту половину, что лежала у Елены, а аккуратно перерисованную на бумагу.

— Это она? — спросил он Харса.

— Мастерница Елена.

— Та, которая упала из стены?

— На стену, — поправила Елена.

— Для листка разница небольшая.

Он протянул руку.

— Тар Леск. Наборщик дворцовой печати на время торжеств. Не дворцовый печатник. Последнее уточнение прозвучало слишком быстро.

— Елена Воронцова. Реставратор. Не дворцовый мастер.

Тар усмехнулся. Рукопожатие было коротким, ладонь сухая и вдавленная металлическими гранями.

— Хорошо. Значит, оба можем винить дворец, когда всё выйдет плохо.

— Лист уже вышел плохо.

Тар перестал улыбаться.

— Вы читаете по-астерски?

— Не знаю. Покажите.

Он достал сложенный лист. Рисунок был грубее, чем Елена увидела из окна. Первый император стоял между Северной и Южной башнями, а золотой плащ расходился над коленами преклонёнными горожанами. Надпись сообщала, что во время подготовки к венчанию приглашённая из дальней земли мастерница обнаружила «малое повреждение древнего верхнего грунта», не затронувшее государев образ. Осмотр якобы подтвердил единовременное создание всей композиции при основании Южного дворца.

Елена перечитала дважды. Незнакомые знаки складывались в смысл так же странно, как речь. Некоторые буквы напоминали кириллицу, большинство — нет. Голова от усилия заболела.

— Кто подтвердил единовременное создание?

— Управитель передал запись.

— А кто набрал?

— Я.

— Значит, вы напечатали утверждение, которое противоречит осмотру.

— Я напечатал утверждение, за которое заплатил двор.

— Правда продаётся построчно?

— Бумага — листами. Краска — весом. Работа — днями. Правда обычно приходит без кошелька.

Харс отвернулся, делая вид, что проверяет лестницу. Варн переводил взгляд с Елены на Тара.

— Вчера вы здесь не были, — сказала Елена. — Вы не видели стену.

— Именно поэтому не подписывал заключение. Я сложил литеры в том порядке, который мне дали.

— Читателю всё равно, кто держал литеру. Он увидит ваш оттиск.

— Читатель увидит печать управителя.

— А когда слой осыплется, кто окажется виноват?

— Вы, разумеется. Вы уже названы приглашённой мастерицей.

Елена посмотрела на строку. Имя было передано приблизительно: «Элена Воронца». Под ним стояла маленькая печать двух обращённых дверей.

Вейр успел присвоить ей не только комнату, но и биографию.

— Сколько листов?

— Пока двести.

— Уничтожьте набор.

Тар сложил бумагу.

— Нет.

— Почему?

— Потому что к полудню велено отпечатать тысячу. Если я рассыплю набор, другой сложит его хуже и добавит, что нижнего слоя вовсе нет. Мой лист хотя бы говорит о повреждении.

— Он говорит, что вся стена написана одновременно.

— Это уже знают все верные граждане.

— Знание, которое приходится печатать тысячу раз за утро, плохо держится само.

Тар прищурился.

— Для человека, который не знает названия улицы за воротами, вы быстро судите о наших гражданах.

— Я сужу о вашем листке.

— А я — о цене вашей осторожности. Если сегодня двор объявит, что под Первым императором есть ещё одна сцена, Север назовёт её доказательством узурпации. На границе уже стоят войска. Пока вы отличаете серую прослойку от красной, у кого-нибудь сгорит дом.

— Поэтому нужно напечатать удобный вывод до исследования?

— Поэтому нужно понимать, что ваша стена не лежит в пустом музейном зале.

Слово «музей» он произнёс без запинки. Елена не помнила, чтобы говорила его при Таре.

— Кто рассказал вам, откуда я?

— Никто. Вейр велел подготовить шрифт для слов, которых у нас нет. «Музей». «Реставратор». «Новгород». Я набирал пробные строки ночью.

— Покажите приказ.

— Нет.

— Значит, вы знали обо мне раньше, чем пришли сюда?

— Я знал три слова. Теперь знаю, что их владелица хромает, спорит с заказчиком и требует уничтожить оплаченный набор. Последнее делает вас похожей на местного мастера больше, чем первые два.

К лесам подошли двое стражников. Один передал Харсу дощечку с восковой печатью. Разрешался пробный осмотр участка размером в две ладони. Запрещалось снимать верхний слой, увлажнять стену и касаться открытой живописи металлом. При осмотре должны присутствовать дворцовый свидетель и печатник, чтобы немедленно составить описание.

Тар показал на себя.

— Видите? Даже правда сегодня проходит через мою кассу.

— Тогда поднимайтесь.

— Я не люблю высоту.

— А я не люблю заранее напечатанные заключения. У каждого будет трудное утро.

На площадке поместились четверо: Елена, Харс, Тар и Варн. Дворцовый свидетель остался на ярусе ниже и ворчал, что оттуда ничего не видно. Колено под повязкой пульсировало. Елена распределила вес между костылём и стойкой лесов, потребовала дополнительно связать лестницу и только потом разрешила снять страховочную полосу.

Красный глаз сохранился. За ночь трещина не расширилась.

Пробный участок выбрали у нижнего края поновления, где золото уже отходило и не затрагивало видимую часть фигуры императора. Елена не собиралась снимать слой. Они должны были исследовать существующую щель, осветить её под разными углами и, если получится, заглянуть под поднятый край с помощью отражения.

В её мастерской для этого нашлись бы эндоскоп, микроскоп, шкалы, лампы с разным спектром. Здесь были полированная серебряная пластинка, масляная лампа и фонарик с неизвестным остатком заряда.

Елена попросила Харса принести самую тонкую серебряную пластину. Он принёс зеркало из набора позолотчика — длиной с палец, с затуплёнными краями. Елена обернула ручку полотном, чтобы случайно не царапнуть поверхность.

— Ничего не поддеваем, — сказала она. — Только вводим в уже открытое пространство. Если край двинется, прекращаем.

— Кто вводит? — спросил Харс.

— Варн держит свет. Ты следишь за краем. Я веду зеркало.

— А я? — спросил Тар.

— Записываем только то, что увидели сами. Не то, что вам велели увидеть.

— Жесткая работа.

Варн направил фонарик вдоль стены. Елена подвела зеркало к щели. Левая рука ещё плохо слушалась, поэтому пришлось работать правой, опираясь плечом о стойку. Серебро вошло меньше чем на ширину ногтя. На нём появилось перевёрнутое красное пятно.

— Край неподвижен, — сообщил Харс.

Елена изменила угол.

Красное пятно стало частью головного убора. Ниже шла тёмная линия виска, затем охристая щека. Глаз, видимый снаружи, принадлежал человеку, повернувшемуся вполоборота. За ним было ещё что-то белое с синим краем.

— Вижу лицо, — сказала Елена. — Одно. Не определяю пол, возраст и имя. Головной убор красный, высокий или поднятый сзади. За фигурой — белый участок с синей границей.

Тар записывал на узкой бумажной полосе.

— «Лицо мятежника в красной шапке», — прочитал он.

Елена убрала зеркало.

— Я не говорила «мятежник».

— Красные шапки носили выборные Хольма во время мятежа.

— Вы видели шапку целиком?

— Нет.

— Знаете дату слоя?

— Нет.

— Тогда пишите: «красный головной убор». И отдельно: «Тар Леск предполагает связь с выборными Хольма».

— Вы собираетесь печатать каждое предложение с именем того, кто ошибся?

— Особенно с именем того, кто может ошибиться.

Харс кашлянул, скрывая смех. Тар перечеркнул слово.

Второй угол обзора дал кусок плеча. На нём была не богатая ткань, а грубая светлая накидка с повторяющимся тёмным знаком. Три короткие линии расходились от кольца. Варн узнал знак каменщиков старого восточного квартала. Харс возразил: у каменщиков линии направлены вниз, а здесь, если учесть перевёрнутое отражение, они идут вверх.

— Записываем оба толкования, — сказала Елена. — Пока это знак из кольца и трёх линий.

— Так лист никто не дочитает, — сказал Тар.

— Зато следующий человек сможет проверить.

— Следующий человек купит лист, на котором крупно написано, кто победил. Мелкие сомнения он оставит для растопки.

— Тогда напечатайте крупно сомнение.

— За это платят хуже.

— Вы всё измеряете оплатой?

Тар перестал писать.

— Нет. Ещё тем, останется ли у моей сестры дом после того, как умные люди закончат спорить о прошлом.

Он сказал это спокойно, но кожаная лента на правом запястье натянулась: пальцы сжались. Елена не стала расспрашивать. Теперь его поспешность обрела человеческую причину, однако верным от этого листок не сделался.

Они сменили положение света. На серебре показалась вертикальная синяя полоса, потом край второй головы. Она находилась слишком близко к первой, чтобы быть случайным свидетелем у ног императора. Ещё правее обнаружился кусок третьего плеча.

— Группа, — сказал Варн.

— По меньшей мере три фигуры, — уточнила Елена. — Возможно, больше. Все стоят на одном уровне.

Тар посмотрел на верхнюю композицию. Золотой плащ занимал именно то место, где под ним выстраивались люди.

— Если это выборные, император не мог стоять здесь одновременно с ними, — сказал он.

— Почему?

— Потому что Первый умер за шесть лет до учреждения городских знаков.

— Откуда известна дата учреждения?

— Из дворцового свода.

— Того же времени, что верхняя роспись?

— Не знаю.

— Тогда пока мы знаем другое: верхняя фигура физически нанесена поверх группы. Она не часть единовременной композиции.

Тар медленно сложил свою полоску записей.

— Двести листов уже ушли.

— Вы говорили, они ещё во дворе.

— Были. Пока мы поднимались, их понесли в городские конторы.

Елена закрыла глаза. Гнев подступил быстро и горячо. Не на Тара одного — на весь знакомый механизм, в котором поспешная формулировка успевает разойтись прежде, чем осторожное уточнение надевает сапоги. Потом опровержение всегда кажется слабее. Оно длиннее, в нём больше «возможно», «пока не установлено», «нужна проверка». Ложь помещается в одну строку.

— Печатаем исправление, — сказала она.

— Нам не заказывали.

— У вас сохранился набор?

— Да.

— Замените строку о одновременном создании. Напишите: «Осмотр выявил более ранний красочный слой с группой неустановленных фигур. Значение требует проверки». И перечислите, кто присутствовал.

— Управитель не поставит печать.

— Поставьте свою.

— У наборщика нет государственной печати.

— У вас есть имя.

Тар посмотрел на неё так, словно она предложила рассчитаться именем за бумагу. Возможно, именно это она и сделала.

— Моё имя не удержит солдат на границе.

— И ложная строка не удержит. Она только даст одному из дворов повод сказать, что вы скрывали слой.

С нижнего яруса вмешался дворцовый свидетель:

— Осмотр окончен. Никаких листов без дозволения господина Вейра.

Елена перегнулась через край.

— Вы видели нижнюю живопись?

— Я видел проведение осмотра.

— Это не одно и то же.

— Для записи достаточно.

Тар тихо произнёс:

— Вот ваш независимый человек.

Свидетель потребовал отдать записи. Тар спрятал полоску за пазуху.

— Это рабочая раскладка набора.

— Ты ещё ничего не набирал.

— Поэтому она особенно рабочая.

Они спустились. Внизу ждал управитель, тот самый, который накануне приказал убрать повреждение. Теперь его звали Осваль Карн. Он протянул руку за зеркалом и записями. Елена отдала зеркало Харсу, а свою схему оставила при себе.

— Господин Вейр разрешил осмотр, — сказал Карн. — Не распространение слухов.

— Нижний слой — не слух.

— Пока он закрыт, для города разницы нет.

— Уже есть двести листов, утверждающих, что его не существует.

Карн повернулся к Тару.

— Почему только двести?

— Проверял новый шрифт.

— К полудню нужна тысяча.

— Текст придётся исправить.

Управитель побледнел не от гнева, а от удивления.

— Тебе передали утверждённую запись.

— Запись говорит о единовременной композиции. Под плащом не менее трёх фигур, написанных раньше.

— Ты печатник, Леск.

— Наборщик.

— Вот и набирай.

— Что именно? — спросил Тар. — Что я видел три лица или что не видел ни одного?

Елена ощутила неожиданное облегчение. Ещё несколько минут назад он защищал оплаченный текст, а теперь произнёс вслух неудобный факт перед человеком, способным лишить его работы. Не потому, что Елена его переубедила. Скорее потому, что он сам посмотрел в зеркало и теперь не мог вернуться в удобное незнание.

Карн перевёл взгляд на леса. Харс уже устанавливал экран обратно. Варн стоял рядом, держа светильник.

— Нижние фигуры могли быть пробой мастера, — сказал управитель. — Подготовительным рисунком. Старой ошибкой.

— Могли, — ответила Елена. — Напечатайте это как предположение. Рядом с другими.

— Государственный лист не перечисляет предположения.

— Тогда не называйте его описанием осмотра.

Карн подошёл почти вплотную.

— Вы здесь один день. Через девять дней сюда придут северяне, которые ищут повод сорвать венчание. Через сорок дней Южный двор должен назвать государя. Если этого не произойдёт, пограничные князья начнут выбирать сторону. Вы хотите дать им картинку с тремя неизвестными лицами и словом «подделка»?

— Я не употребляла слово «подделка».

— Но думаете его.

— Я думаю «поновление». Более поздний слой. Его могли сделать по разным причинам. Пока неизвестно, законным было решение или нет, кого закрыли и что изображала вся сцена.

— Значит, вы согласны, что лист может быть верен.

— Нет. Он уже неверен в проверяемом утверждении: композиция не единовременна.

Тар достал первый отпечаток и разорвал его ровно по строке. Нижнюю часть с рисунком оставил Карну. Верхнюю, где был ложный вывод, сунул в карман.

— Ты арестован? — спросил управитель с усталым недоумением.

— Пока нет.

— Тогда зачем ведёшь себя так, будто хочешь?

— Если хотите тысячу листов до вечера, мне нужно работать.

Тар направился во двор. Карн сделал знак стражнику, но тот не успел преградить дорогу: у входа появился Лоран Вейр.

Сегодня у мага не было маленькой овальной рамы. За ним несли большой законченный портрет мужчины в белом панцире. Нарисованный зал на заднем плане совпадал с настоящим, но на фреске за плечом мужчины не было защитного экрана. Золотой плащ оставался целым.

— Кто распорядился снять портрет с северной двери? — спросил Карн.

— Я, — ответил Вейр. — Северный ход закрыт до окончания работ.

Он посмотрел на разорванный лист.

— Осмотр оказался плодотворным?

— Под фигурой Первого есть группа, — сказал Карн прежде, чем Елена успела ответить.

— Но значение не установлено.

— Сколько лиц?

— Не менее трёх, — сказала Елена.

— Лиц или фигур?

— Одно лицо видно частично, у второй и третьей — края голов и плеч. Корректнее сказать «не менее трёх фигур».

— Вот почему мне нравятся мастера, — произнёс Вейр. — Они способны спорить даже с выгодным им преувеличением.

Он подошёл к стене, не поднимаясь на леса. Большой портрет за его спиной качнулся. Нарисованный мужчина внутри повернул голову к защитному экрану. В тот же миг золотая поверхность над экраном дрогнула. Елена увидела, как мелкая пыль потянулась вверх, словно к невидимому магниту.

— Уберите портрет дальше от стены, — сказала она.

Носильщики замерли.

— Почему? — спросил Вейр.

— Когда фигура в нём повернулась, пыль на фреске сдвинулась. Переход влияет на поверхность.

— Пыль двигается от шагов.

— Вверх?

Вейр посмотрел на портрет. На миг в его лице мелькнуло раздражение.

— Отнесите к западной двери.

Носильщики ушли. Тар, стоявший у выхода, проводил портрет взглядом.

— Северный ход закрыт, — повторил он. — Значит, северяне уже в городе?

Карн велел ему молчать.

Вейр поднял разорванную половину листа.

— Ты отказываешься печатать утверждённый текст, Тар?

— Я прошу заменить одну строку.

— На какую?

Тар повторил предложенную Еленой формулировку почти дословно. Только вместо «значение требует проверки» сказал: «имена и значение пока не установлены». Маленькая разница делала людей под плащом не пятнами, а неизвестными, которых можно когда-нибудь назвать.

— И чью печать поставишь? — спросил Вейр.

— Свою наборную метку.

— Удобно. Двор платит за бумагу, а ты покупаешь честность одной меткой.

Тар сжал губы.

— Тогда удержите стоимость бумаги из платы.

— Не удержу. Напечатай пятьдесят исправленных листов и девятьсот пятьдесят утверждённых.

— Нет, — сказала Елена.

Вейр даже не повернулся к ней.

— У вас нет голоса в расходах печати.

— Зато моим именем подтверждают оба текста. Уберите его с первоначального листа.

— Тогда он будет подтверждён только дворцом.

— Да.

— А исправление?

— Моим именем, именами Харса, Варна и Тара, если они согласны. С описанием того, что каждый видел.

Харс на лесах замер. Варн смотрел вниз, приоткрыв рот. Елена понимала, что втягивает их в опасность, и потому добавила:

— Только добровольно. Отказ тоже должен быть записан без наказания.

— Вы обещаете им безопасность в моём дворце? — спросил Вейр.

— Нет. Я напоминаю, что свидетельство под угрозой стоит меньше.

Маг наконец посмотрел на неё.

— Пятьдесят листов, — повторил он. — Ваша осторожная версия. Без слова «выборные», без слова «подделка», без толкования знака. Они останутся во дворце до моего решения. Остальной тираж — по утверждённому тексту, но без вашего имени. Это не переговоры, мастерица. Это возможность увидеть, умеете ли вы отвечать за собственные слова.

Елена хотела возразить. Пятьдесят спрятанных листов не исправляли двести разосланных и девятьсот пятьдесят будущих. Но они создавали вторую зафиксированную версию с происхождением, свидетелями и точными ограничениями. Не победа — образец. Как маленькое окно расчистки, по которому потом можно доказать существование слоя.

— Добавьте схему участка, — сказала она. — Без дорисованных лиц.

— Тар?

— Сделаю форму к вечеру.

— Харс?

Старший штукатур медленно спустился на нижний ярус.

— Подтвержу слой, насечку и три видимых края фигур. Не их имена.

— Варн?

Ученик побледнел, но кивнул.

— Подтвержу свет и зеркало.

Вейр передал разорванный лист Карну.

— Вот видите, управитель. Стена ещё не сказала ни слова, а у нас уже две истории.

— У нас одна стена и два текста разной точности, — возразила Елена.

— В Астере это и называется двумя историями.

Он ушёл тем же путём, которым унесли портрет. Карн задержался лишь затем, чтобы потребовать у Харса печать на защитном экране и поставить второго стражника у лесов.

Во дворе Тар разложил литеры на наборной доске. Елена села рядом на перевёрнутый ящик, вытянув больную ногу. Он работал быстро. Металлические бруски вставляли в строку зеркальными знаками. Елена не могла прочесть их в таком виде, но находила повторяющиеся группы.

— Здесь моё имя? — спросила она.

— Здесь «Елена Воронцова». В этот раз без ошибки.

— А здесь?

— «Осмотрела существующий разрыв без расширения».

— Укажите зеркало и косой свет.

— Тогда строка не поместится.

— Сделайте ещё одну.

— Бумага не резиновая.

— Зато правда, по-вашему, приходит без кошелька. Пусть хотя бы займёт место.

Тар фыркнул и переставил литеры.

Они спорили о каждом слове. Елена убрала «древний» — возраст не был установлен. Тар убрал «нижний первоначальный» — слой был нижним относительно императора, но мог лежать поверх ещё более ранней росписи. Харс настоял, чтобы насечку назвали следом зубчатого инструмента, а не признаком подготовки: назначение следа казалось очевидным, однако всё равно оставалось выводом. Варн принёс свой знак и попросил напечатать рядом полное имя — Варн Эссен.

Первый исправленный оттиск вышел, когда солнце коснулось крыши над двором. Тар поднял раму прессы. Бумага пахла маслом и металлом.

На рисунке был только прямоугольник поновления, трещина и три фрагмента под слоем. Ни дорисованных лиц, ни красных шапок, ни коленопреклонённых врагов. Под рисунком шло описание способа осмотра и границ вывода. В конце стояли четыре имени и наборная метка Тара — маленькая раскрытая ладонь с литерой на ней.

Елена прочитала лист целиком.

— Теперь верно? — спросил Тар.

— Теперь проверяемо.

— Это не одно и то же.

— Нет. Но до верного иногда можно дойти только отсюда.

Тар положил оттиск сушиться отдельно от остальных. Под навесом уже громоздились стопки утверждённого дворцом листа без Елениного имени. Ложная уверенность занимала почти весь стол. Осторожному описанию отвели узкую доску у стены.

— Пятьдесят экземпляров запрут, — сказал Тар. — А эти разнесут по площадям.

— Форму тоже запрут?

— Если вспомнят.

Он встретился с ней взглядом. Потом вынул из рамы четыре строки — способ осмотра, количество фигур, неустановленные имена и список свидетелей — и разложил литеры по разным ячейкам кассы. Не рассыпал в общий набор, а спрятал каждую строку отдельно среди похожих знаков.

— Вы сохраняете форму?

— Я возвращаю металл на место.

— Зачем по строкам?

— Так быстрее.

Он лгал плохо и явно хотел, чтобы она это заметила.

Из зала донёсся колокол. Один удар, второй. Стражники у дверей одновременно повернули головы к северной галерее.

На верхнем окне дворца мелькнул человек в белом дорожном плаще. Он вышел не из коридора, а из законченного портрета и тут же исчез за колонной.

Северные наблюдатели прибыли не через девять дней.

Они уже были внутри.

Глава 3. Сорок дней до венца

Белый плащ исчез за колонной, но край его ещё секунду отражался в медных дверных накладках. Потом стражник захлопнул створку северной галереи, будто дверь могла отменить увиденное.

Во дворе продолжал стучать пресс. Тар опускал раму с такой ровностью, словно ничего не произошло. Только каждый новый оттиск он снимал быстрее прежнего.

— Вы его знаете? — спросила Елена.

— Плащ знаю. Северные послы носят белое в дороге, чтобы на ткани были видны пыль Южного берега и чужая кровь. Так они доказывают, что добрались без тайной остановки.

— Этот не прошёл по дороге.

— Поэтому плащ у него был очень чистый.

Тар положил лист на доску и провёл ногтем по краю бумаги. Взгляд его всё время возвращался к окну.

— Если наблюдатели уже здесь, зачем объявлять, что они прибудут через девять дней?

— Чтобы девять дней никто не спрашивал, что они делают во дворце.

К ним направлялся Карн. Управитель шёл быстро, двумя пальцами придерживая цепь с ключами, чтобы та не звенела. За ним следовали четверо стражников. Двое свернули к северной галерее, ещё двое остановились у печатного навеса.

— Мастерница Воронцова, господин Вейр ждёт вас в Зале имён.

— Я ещё не закончила проверку оттиска.

— Проверку закончил дворцовый свидетель.

— Он стоял ярусом ниже и не видел отражения.

Карн посмотрел на Тара.

— Пятьдесят точных листов, — сказал наборщик. — Первый утверждён четырьмя участниками осмотра. Осталось сорок девять.

— Напечатаешь без неё.

Елена взяла первый лист с сушильной доски и сложила вдвое краской наружу, чтобы свежие строки не отпечатались друг на друге.

— Этот я заберу.

— Все экземпляры принадлежат дворцу, — возразил Карн.

— Моё имя тоже?

Управитель протянул руку. Елена не отдала лист.

Тар, не поднимая глаз, выдвинул из-под рамы узкую полоску чистой бумаги.

— Первый оттиск смазан у нижней строки. Его всё равно следовало уничтожить.

Строка была чистой. Карн это видел. Несколько мгновений он решал, стоит ли превращать клочок бумаги в открытый спор. Потом опустил ладонь.

— В Зале имён не любят ждать.

— А моё колено не любит лестниц. Придётся залу потерпеть.

Она поднялась с ящика, опираясь на костыль. Резкая боль прошла ногу от коленной чашечки к бедру. Лекарь требовал лежать ещё два дня. Если бы Елена подчинилась, за эти два дня стену успели бы описать, освятить и, вероятно, починить так, что нижний слой пришлось бы искать уже под новой кладкой.

Тар придержал сушильную доску, когда она проходила мимо.

— Четыре строки останутся, — сказал он тихо.

— Не храните их в одном месте.

— Вы плохо представляете типографскую кассу. Иногда я сам не нахожу в ней нужную литературу.

— Значит, найдите человека, который найдёт без вас.

Он впервые посмотрел прямо на неё.

— Вот теперь вы просите не сохранить металл, а сделать копию.

— Я прошу, чтобы проверяемое описание не зависело от одного человека. Даже если этот человек честный.

— Я не говорил, что честный.

— Тем более.

Карн обернулся на пороге. Елена пошла за ним, чувствуя под одеждой жёсткий край сложенного листа.

Внутри дворца пахло известью, воском и нагретой бронзой. Слуги снимали со стен тканевые чехлы. Под каждым открывался законченный портрет: мужчины и женщины в парадной одежде, дети с неподвижными лицами, старики с лентами через грудь. Ни один фон не повторял другой. За одним человеком темнел лес, за другим лежала снежная площадь, за третьим горела свечами комната. Нарисованные фигуры не двигались, пока Елена смотрела прямо. Стоило перевести взгляд, как у самого края зрения менялось положение руки или головы.

Она остановилась перед портретом девочки лет десяти. Та держала деревянную птицу. На нижней раме золотом было выведено имя, которое Елена прочитала как «Лисса Авер, хранительница Восточного сада». Дата смерти отсутствовала. Девочка моргнула.

— Она жива? — спросила Елена.

— В портретах все живы настолько, насколько требуется дворцу, — ответил Карн.

— Это не ответ.

— Другого вам сегодня не дадут.

Зал имён оказался длинной галереей с высоким окном в торце. Вдоль стен висели не портреты, а пустые рамы. Под каждой стоял столик с книгой. Посреди галереи на мозаичном полу был установлен большой овальный портрет, тот самый, который Вейр велел убрать от фрески. Теперь изображённый в нём мужчина стоял спиной. Перед ним тянулся коридор, залитый вечерним светом, хотя за настоящими окнами ещё не было полудня.

Лоран Вейр разговаривал с человеком в белом дорожном плаще. У северянина были седые виски, узкое лицо и дорожный футляр через плечо. Пыли на белой ткани действительно не было. Когда вошла Елена, он повернулся и задержал взгляд на костыле, потом на её руках.

— Так это она, — сказал он.

— Приглашённая мастерица Елена Воронцова, — ответил Вейр. — Мастерица, перед вами наблюдатель Северного двора Орс Тейан.

— Наблюдателей ожидали через девять дней, — сказала Елена.

Орс чуть улыбнулся.

— Тогда считайте меня плохо воспитанным гостем.

— Гости входят через двери.

— На Севере портреты тоже считаются дверями.

— Северный ход закрыт, — напомнила Елена.

Вейр жестом остановил ответ Орса.

— Ход закрыт для общего движения. Господин Тейан прибыл проверить безопасность пути перед официальной делегацией.

— Один?

— Вы реставратор или пограничный дознаватель?

— Реставратор, рядом со стеной которой оказался тайный ход. Мне нужно знать, что на неё воздействует.

Орс посмотрел на Вейра уже без улыбки.

— Она видела движение?

— Она видит движение пыли и делает из него государственное событие.

— Пыль не читает ваших объявлений о закрытом ходе, — сказала Елена.

Северянин расстегнул белый плащ. Под ним был тёмно-синий кафтан без украшений. На воротах виднелся знак в виде двух разведённых мостов.

— Я прошёл только через этот портрет, — сказал он. — К фреске не приближался. Но за последние три дня переход стал тяжелее. Вчера рама пропустила сундук, сегодня не захотела пропустить моего писца.

— Писец остался с той стороны?

— Да.

— Он пострадал?

— Только его достоинство. Портрет вытолкнул его в таз с водой.

Вейр раздражённо поправил манжету.

— Путь меняется перед коронацией. Это происходит всякий раз, когда освящают новые изображения.

— Значит, вмешательство во фреску может повлиять на переход, — сказала Елена.

— Или переход на фреску, — добавил Орс.

Вейр подошёл к крайнему столику и раскрыл лежавшую там книгу.

— Именно поэтому Южный двор не доверит работу людям, которые видят один кусок штукатурки и немедленно объявляют его общей собственностью. Нам нужен мастер с полномочиями и ответственностью. Ваша должность до сих пор не определена. Сейчас мы это исправим.

На странице уже стояло имя Елены. На этот раз без ошибки. Ниже шёл текст, написанный ровным коричневым почерком. Она читала медленно. Двор объявлял Елену Воронцову мастерицей дальних земель, приглашённой для восстановления венецной росписи. Ей предоставлялись комнаты, питание, доступ к материалам и право отдавать распоряжения дворцовым штукатурам. Она обязана была завершить работу до венчания, не разглашать увиденное без разрешения хранителя переходов и не покидать Южный дворец.

— Я этого не подпишу.

— Здесь нет места для вашей подписи, — сказал Вейр.

Внизу страницы действительно имелись только печати Южного двора и самого мага.

— Тогда это не соглашение. Это приказ.

— Должность.

— Должность, которую я не принимала.

— Без неё Карн может вывести вас за ворота как неизвестную чужеземку. Или задержать до выяснения происхождения. С ней вы получаете комнату, мастерскую, плату и право защищать стену от неумелого ремонта.

— А взамен не выхожу из дворца и молчу о том, что найду.

— Взамен отвечаете за последствия своей работы.

Елена положила костыль на край столика и перевернула страницу. Следующий лист был пуст. Бумага плотная, с водяным знаком двух дверей. Между листами лежал тонкий серый порошок, словно книгу давно не открывали, хотя чернила на её имени ещё блестели.

— Кто перечисляет уже сделанные вмешательства?

— Харс ведёт расход материалов.

— Я спросила не про известь и золото. Кто записывает, когда участок вскрывали, чем укрепляли, что снимали, где хранят снятое и кто присутствовал?

— Дворцовые мастера не разрушают стену без приказа.

— Это опять не ответ.

Орс снял перчатку и провёл пальцем по пустой раме рядом с собой. На коже осталась серая пыль.

— На Севере ведут книги освящения, — сказал он. — В них есть даты обновления изображений.

— Обновления — какое удобное слово, — заметила Елена. — Можно записать, что лицо обновили, и не уточнить, чьё лицо оказалось под ним.

Вейр закрыл книгу.

— Вы хотите отказаться от работы?

Елена посмотрела на овальный портрет. В нарисованном коридоре мужчина по-прежнему стоял спиной. За его плечом была видна открытая дверь, а в ней — кусок комнаты с высоким окном. Свет там падал иначе, чем во дворце, прохладнее и белее.

— Сначала покажите, как работает переход.

— Зачем?

— Потому что портрет уже подействовал на красочный слой. Потому что вы обещали объяснить, как я сюда попала. И потому что без этого я не могу выбрать способ работы у стены.

Орс отступил от рамы.

— Разумно.

— Вас не спрашивали, господин Тейан, — сказал Вейр.

— Именно поэтому мне легко быть разумным.

Маг задержал на нём взгляд, потом подозвал Карна.

— Закройте обе двери. Никого не впускать.

Карн вывел стражников в коридор и повернул ключи. Вейр снял с шеи узкую серебряную пластину. На ней был выгравирован профиль мужчины с овального портрета. Маг приложил пластину к выемке на раме.

Ничего не вспыхнуло. Не прозвучало заклинания. Нарисованный коридор просто стал глубже. Масляный блеск исчез, холст перестал казаться плоским. Из рамы потянуло холодным воздухом, запахом мокрого камня и яблочной кожуры.

Вейр взял со столика бронзовый подсвечник и поставил перед портретом.

— Смотрите на его положение.

Он толкнул подсвечник через поверхность. Металл не прорвал холст. На миг свечи вытянулись в тонкие светлые линии, потом предмет оказался на полу нарисованного коридора. Мужчина в портрете обернулся, поднял подсвечник и ушёл с ним за пределы рамы.

Елена шагнула ближе. Там, где должна была быть ткань или доска, ощущался прохладный воздух. Она достала из кармана обломок карандаша и поднесла к границе. Вейр перехватил её запястье.

— Без разрешения ничего не вводить.

— Вы только что ввели подсвечник.

— Его происхождение записано в книге этой рамы.

— Тогда запишите карандаш.

— Вы превращаете каждое движение в опись.

— Предмет исчез в картине. Да, я хочу опись.

Вейр отпустил её. На коже остались белые следы от его пальцев. Он не извинился.

Елена положила карандаш обратно.

— Куда ведёт этот портрет?

— В Малую западную галерею. Два этажа и три внутренних двора отсюда.

— Почему там другой свет?

— Потому что окна выходят на северо-запад.

— Оттуда можно пройти в другие портреты?

— Можно пройти к тем, для которых у вас есть ключ и признанное изображение.

— Что значит признанное?

Вейр снял серебряную пластину. Глубина сразу ушла. Коридор снова стал живописью, хотя мужчина с подсвечником не вернулся.

— Законченный портрет должен быть назван, принят владельцем пути и внесён в книгу. Незаконченный образ показывает направление, иногда открывает край места, но не удерживает человека целиком.

— Мой переход был незаконченным?

— Вероятно.

— Где он?

— Тот, через который вы пришли, разрушен.

— Кем?

— Переходом. Такое случается.

Ложь была слишком гладкой. Вейр заранее приготовил её вместе с записью о должности.

— Но можно написать новый портрет, — сказал он.

Елена не сразу поняла смысл. Потом посмотрела на пустые рамы вдоль стены.

— Мой?

— Ваш. Если удастся найти изображение места, откуда вы пришли, и установить связь. Вы называли город Великий Новгород. Музей. Леса. У переходов длинная память на помещения, где люди оставили часть труда.

Перед ней возник не дворец, а музейный зал за минуту до падения. Холодная стена, металлические леса, раскрытая сумка с инструментами. Лида внизу спорит по телефону с новым владельцем здания. На подоконнике бумажный стакан с недопитым кофе. Всё это существовало вчера. Или сорок дней назад. Или существовало прямо сейчас, за тонкой плёнкой краски, которую Вейр умел делать дверью.

Елена сильнее сжала костыль.

— Сколько времени нужно?

— Если связь сохранилась — меньше сорока дней.

— Удобный срок.

— Другого у нас нет.

— Кто будет писать портрет?

— Лучшие дворцовые мастера.

— Те, которые за один день состарили официальный листок?

Орс тихо кашлянул. Вейр не отвёл глаз.

— Вы можете наблюдать за работой. Даже вмешиваться, если заметите поздний грунт.

— Что вы получите?

— Восстановленную вечную фреску и спокойную коронацию.

— Нет. От моего портрета.

Вейр повёл плечом.

— Знание нового пути. Любой хранитель переходов ценит такую возможность.

— То есть дверь в мой мир останется у вас.

— Если дверь откроется, мы обсудим, кому принадлежит ключ.

Теперь предложение стало яснее. Не дорога домой, а поводок, один конец которого маг держал в руке. Он давал надежду ровно настолько, чтобы она успела выполнить работу.

Елена повернулась к Орсу.

— Вы прошли через собственный портрет?

— Через портрет основателя моей должности.

— И он открывается только с разрешения господина Вейра?

Северянин медлил.

— На южной стороне — с его ключом.

— Поэтому Север прислал вас тайно. Хотел проверить, не закроет ли он путь во время коронации.

— Вы быстро превращаетесь из мастера в дознавателя, — повторил Вейр.

— Нет. Я всё ещё смотрю, кто держит раму.

За дверью послышался шум: быстрые шаги, затем голос Карна. Кто-то требовал впустить его к хранителю переходов. Вейр не откликнулся.

— Итак, — сказал он. — Вы принимаете назначение, получаете доступ к стене и возможность вернуться. Или отказываетесь, после чего я передаю работу мастерам, которые умеют закончить её без философских рассуждений о каждой песчинке.

— Мне нужны условия.

— Они записаны.

— Мои.

Елена подняла пустую книгу с соседнего столика и положила рядом с книгой назначения.

— С сегодняшнего дня у стены ведётся журнал вмешательств. Каждый, кто касается фрески, записывает имя, время, участок, действие, материал и причину. Если не умеет писать, диктует двум свидетелям. Исправления не стираются, а перечёркиваются одной линией, чтобы прежнее осталось читаемым.

— Вы требуете от штукатуров писать трактаты.

— Шесть коротких сведений. Харс справится.

— Дальше.

— До обследования никто не заделывает трещину и не снимает красочный слой. Все разрешения выдаются письменно. Один экземпляр остаётся у вас, второй — у мастеров.

— Чтобы Тар напечатал третий?

— Чтобы приказ нельзя было заменить после работы.

Орс прислонился к подоконнику. Он слушал внимательно, будто это и было настоящей причиной его раннего прибытия.

— Мне нужна команда, — продолжила Елена. — Харс отвечает за штукатурку и леса. Варн работает с ним. Тар фиксирует формулировки и делает копии схем. Ещё нужен человек из городского архива, который знает знаки и старые записи.

— Наборщик не реставратор, — сказал Вейр.

— Именно поэтому он должен записывать только то, что понял. Если моя формулировка непонятна ему, её не поймёт и человек на площади.

— Его работа оплачена печатью торжественных листов.

— Вы только что назначили меня мастерицей с правом распоряжаться дворцовыми людьми.

— Штукатурами.

— Тогда исправьте запись.

— А архивист?

— Его выберу после знакомства.

— Её, — сказал Орс.

Тишина стала острее.

Вейр медленно повернулся к нему.

— Что?

— Вы сказали, что мастерице понадобится человек из архива. Южным реестром городских знаков заведует женщина. Мира Леск, если мой список должностей не устарел.

Имя ударило по памяти: сестра Тара, ради чьего дома он печатал дворцовый текст.

— С чего северному наблюдателю знать служащих нашего архива? — спросил Вейр.

— С того, что вы прислали нам список людей, допущенных к подготовке коронации. Если список ложный, вопрос следует задать вашему управителю.

За дверью снова заговорил Карн, уже громче.

Вейр отошёл к окну. Внизу, в печатном дворе, Тар и двое помощников снимали листы. С такой высоты люди казались знаками на полях огромной страницы.

— Мира Леск не войдёт в команду, — сказал маг. — Она имеет доступ к записям, которые Север истолкует в свою пользу.

— Тогда дайте другого архивиста, — ответила Елена. — Но если он не знает знаков, работа остановится.

— Вы ещё не начали работу, а уже угрожаете остановкой.

— Я объясняю зависимость. Материал скажет, что один слой старше другого. Не скажет, кого на нём изобразили. Для этого нужны записи и люди.

Орс кивнул.

— На редкость скромное признание для человека, которого вы собираетесь объявить главным мастером.

— Господин Тейан, — холодно произнёс Вейр, — ваше официальное прибытие состоится через девять дней. До той поры вы не существуете при Южном дворе. Не вынуждайте меня сделать это положение буквальным.

Он подошёл к книге назначения и провёл пальцем над строками. Чернила дрогнули. Елена увидела, как слова «не покидать Южный дворец» потемнели, словно их только что написали заново.

— Журнал будет, — сказал Вейр. — Храниться он будет в комнате у фрески. Ключи — у вас, Харса и Карна. Тар Леск получит два часа в день для записей и схем. Кандидатуру архивиста утвержу я. Любое раскрытие слоя — только в присутствии дворцового свидетеля. Портрет для вашего возвращения начнут завтра, если сегодня вы примете должность.

— И каждый переход вблизи фрески заносится в тот же журнал.

— Нет.

— Тогда я не смогу отличить действие материалов от действия портретов.

— Сведения о переходах закрыты.

— Записывайте не имя и место, а время, расстояние от стены и размер рамы. Мне не нужны ваши послы. Мне нужно знать, когда пыль ползёт вверх.

Вейр посмотрел на овальный портрет. На гладкой поверхности снова появился мужчина. Подсвечника у него не было.

— Только переходы в западной половине дворца, — сказал маг. — Без места назначения.

— Все переходы, которые ближе ста шагов от фрески.

— Вы не знаете длину дворцового шага.

— Тогда измерим верёвкой.

У Орса дёрнулся угол рта.

Вейр раскрыл книгу и дописал несколько строк. Перо двигалось быстро. Елена следила, чтобы слова не менялись следом за остриём. Маг перечислил журнал, команду и право останавливать работы при угрозе осыпания. Об архивисте написал расплывчато: «один сведущий служащий по выбору хранителя». О переходах — «движение рам в западной части по возможности».

— «По возможности» уберите.

— Нельзя требовать записи во время военной тревоги.

— Тогда после тревоги записывают время по памяти и отмечают, что запись поздняя.

Он исправил. Слово исчезло не под линией, как требовала Елена, а растворилось в бумаге. На его месте осталось чистое волокно.

— Вот поэтому журнал должен вестись обычными чернилами, — сказала она.

— Вы подозреваете меня в подмене собственной записи у вас на глазах?

— Я только что её увидела.

Орс отвернулся к окну, уже не скрывая улыбки.

Вейр захлопнул чернильницу.

— Обычные чернила. Никаких чар на книге. Довольны?

— Нет. Но могу начать.

— Скажите: «Я принимаю должность приглашённой мастерицы».

— Зачем, если моей подписи не требуется?

— Портреты лучше удерживают признанные имена.

Значит, назначение было связано не только с дворцовыми правилами. Слова должны были прикрепить её к образу, а образ — к переходу. Елена посмотрела на пустые рамы. За каждой книгой стояла чья-то принятая биография. Возможно, девочка с деревянной птицей когда-то тоже произнесла правильную фразу.

— Я принимаю работу у венецной фрески на перечисленных условиях, — сказала она. — Должность приму, когда прочту окончательную запись обычными чернилами и получу свою копию.

Слова прозвучали буднично. Ни одна рама не вспыхнула. Но в дальнем конце зала что-то тихо щёлкнуло, словно дерево село в паз.

Вейр услышал.

— Осторожность не всегда спасает от смысла, мастерица.

— Зато иногда показывает, кто торопится назвать смысл за меня.

В дверь постучали трижды. Вейр разрешил открыть. Карн вошёл и сразу подал ему свёрнутую записку.

— У северной рамы второй толчок, — сказал управитель. — С той стороны требуют вернуть наблюдателя. Створки в галерее дрожат.

Орс выпрямился.

— Мой писец нашёл выход из таза.

— Вы уйдёте сейчас, — приказал Вейр.

— Сначала получу подтверждение, что прибыл целым.

— Вы официально не прибыли.

— Именно поэтому хочу бумагу.

Елена встретила с ним взглядом. Северянин учился быстро или давно жил среди людей, которые меняли записи задним числом.

Вейр взял чистый лист, написал четыре строки и поставил печать. Орс прочитал, сложил бумагу и спрятал во внутренний карман. Перед уходом он задержался рядом с Еленой.

— Ваша стена уже интересует обоих государей, — сказал он. — Если найдёте под плащом городских выборных, не верьте тому, кто первым назовёт их своими.

— Я пока нашла красный головной убор и знак из трёх линий.

— Тем лучше. Сохраните их без имени как можно дольше.

Карн вывел его. Белый плащ исчез за дверью.

Вейр снял серебряную пластину с рамы и вложил в ладонь управителя.

— Проведёте его лично. Запись о толчках — в новый журнал. Время укажите точно.

Это была первая уступка, которую маг выполнил до окончания спора. Не из уважения к Елене. Он хотел знать о непослушной раме не меньше неё.

— А вы, — сказал он Елене, — получите комнаты в восточном крыле. Окна выходят во внутренний сад. Стража нужна для вашей безопасности.

— Дверь запирается с какой стороны?

— С обеих.

— Кто хранит внешний ключ?

— Карн.

— Значит, это не охрана, а запирание.

— Пока вы не знаете города, разница невелика.

Он прошёл мимо неё к выходу. В овальном портрете мужчина снова отвернулся, будто разговор был окончен и для него.

Комнаты оказались лучше прежней каморки лекаря: спальня, маленькая гостиная, умывальник с медным краном и отдельная дверь в пустую мастерскую. На столе лежали три пласты, мерная лента и карточка с новым именем: «Елена Воронцова, приглашённая мастерица вечной стены». Внизу стояла та же печать двух обращённых дверей.

Елена проверила окна. Они открывались внутрь, но за ними был узкий каменный сад, окружённый четырьмя этажами галерей. На противоположной стороне стоял стражник. Увидев её, он сделал вид, что рассматривает водосток.

Дверь в коридор ещё не заперли. Елена вышла прежде, чем слуга успел расставить вещи, и потребовала проводить её к фреске.

— Господин Вейр велел вам отдыхать, — сказал стражник.

— Господин Вейр назначил меня ответственной за стену. Если прикажет не подходить к ней, пусть запишет это в журнале.

Стражник не нашёл ответа и позвал Карна. Управитель пришёл через десять минут с большой книгой под мышкой. Переплёт был новый, страницы — пронумерованы. На первой обычными чёрными чернилами стояло: «Журнал вмешательств в вечную фреску. Начат за сорок дней до коронации».

— Ваш ключ, — сказал он.

Ключ был тяжёлым, с головкой в форме закрытого глаза. Елена взяла его и тут же увидела второй такой же на цепи Карна.

— Третий у Харса?

— Будет вечером.

— Открывайте.

Комната у фрески раньше служила кладовой. В ней стояли полки, два стола и шкаф с железной сеткой вместо стекла. Одно окно выходило в парадный зал; через него был виден край защитного экрана. На столе уже лежали чернильница, перья, линейка и моток шнура.

Елена открыла журнал.

Первая запись принадлежала Карну: время начала журнала, передача трёх ключей, имена присутствующих. Вторая сообщала о переходе северного наблюдателя через западную раму. Место назначения не называлось, зато были указаны размер овала, примерное расстояние до фрески и два толчка при попытке обратного открытия. Запись сделана позже события со слов Карна и Орса Тейана.

— Он разрешил указать имя, — заметила Елена.

— Господин Тейан настоял.

— А где запись о портрете, который утром стоял рядом со стеной?

Карн стиснул челюсть.

— Журнал тогда не существовал.

— Но воздействие существовало. Пишите позднюю запись.

— Вы злоупотребляете первым часом должности.

— Я пользуюсь им. Злоупотреблять начну, когда потребую удобное прошлое вместо записанного.

Карн сел и взял перо.

Пока он писал, пришли Харс и Варн. Старший штукатур принёс деревянный ящик с образцами старой извести, завернутыми в бумагу. Варн нёс складную линейку и фонарик Елены, который она оставила у лесов.

— Заряд берегли, — сказал ученик. — Не включали.

На экране над фреской печати были целы. Харс проверил крепления, потом расписался за ключ. Писал он медленно, крупными буквами, высунув кончик языка. Варн поставил свидетельский знак рядом.

— Теперь команда? — спросил Харс.

— Пока трое и Тар на два часа в день.

— Нод нужен.

— Кто это?

— Нод Арн. Каменщик. Знает дворцовые стены лучше тех, кто их строил.

— Те умерли двести лет назад, — заметил Варн.

— Поэтому Ноду легче.

Елена записала имя на отдельной странице кандидатов.

— Почему он не служит дворцу?

— Потому что однажды сказал Карну, что колонна треснула не от северного мороза, а от южной экономии на скобах.

Карн промокнул запись песком.

— Нод Арн не получит доступа к парадному залу.

— Тогда пусть осмотрит леса и стену с обратной стороны.

— Решит господин Вейр.

— Запишите отказ до его решения.

— Я не отказывал.

— Тогда запишите просьбу.

Карн посмотрел на неё с усталым отвращением, но записал.

Когда он ушёл, Харс закрыл дверь и испытал ключ. Замок щёлкнул чисто. Потом старший подошёл к железному шкафу и постучал по сетке.

— Здесь хранили куски прежних починок. До прошлой зимы.

— Куда их перенесли?

— Не знаю. Вейр велел освободить комнату перед работами.

— Когда?

— За пять дней до вашего падения.

Елена открыла шкаф. На нижней полке осталась полоска белой пыли и круглый след от банки. В углу застрял крошечный кусок штукатурки с синей краской. Она не стала брать его пальцами. Попросила бумагу, свернула лоток и осторожно сдвинула находку внутрь деревянной щепкой.

— Это от нашей стены? — спросил Варн.

— Не знаю. Записываем, где найдено и кто видел.

Харс наклонился к синему краю.

— Лазурь похожа.

— Похожесть — ещё не происхождение.

Они завернули бумагу, поставили три знака и положили образец в пустую коробку. Первый предмет нового хранения был не доказательством, а вопросом.

Тар пришёл, когда на странице появилась шестая запись. Его сопровождал стражник, который остался снаружи.

— Два часа, — сказал наборщик. — Карн велел считать от первого вдоха в этой комнате.

— Тогда не тратьте воздух. Перепишите утреннее описание и сделайте две копии схемы.

Тар увидел журнал и присвистнул.

— Книга толще городского налогового свода. К концу недели вы запишете сюда весь дворец.

— Только тех, кто касается стены или двигает рядом портрет.

— То есть весь дворец.

Он сел к столу. Елена показала образец в коробке и объяснила, где его нашли. Тар не стал спрашивать, что это значит. Записал: «кусок штукатурного грунта с синим красочным краем, происхождение не установлено». Потом добавил имена свидетелей.

— Быстро учитеесь, — сказала Елена.

— Я весь день печатал ваши сомнения пятьдесят раз.

— Все экземпляры готовы?

— Да. Сорок девять в шкафу дворцовой печати. Один смазанный уничтожен.

Он произнёс последнее слово с тем самым выражением, которое означало обратное.

— А остальные листки?

— Ушли в город. Девятьсот пятьдесят новых и двести утренних.

Пятьдесят точных описаний заперли. Тысяча сто пятьдесят уверенных ложных разнесли по конторам, площадям и казармам. Разница была не только в количестве. Ложный листок уже стал событием, а исправленный — вещью, существование которой ещё предстояло доказать.

— Мира Леск действительно заведует реестром городских знаков? — спросила Елена.

Перо остановилось.

— Кто вам сказал?

— Северный наблюдатель.

— Какой наблюдатель?

Елена посмотрела на стражника за дверной решёткой. Он стоял слишком далеко, чтобы слышать тихий разговор, но слишком близко, чтобы забыть о нём.

— Тот, которого официально ждут через девять дней.

Тар опустил перо.

— Мира не войдёт во дворец.

— Почему?

— Потому что у неё достаточно ума.

— Мне нужен человек, который узнает знаки на нижнем слое.

— Вам нужен удобный толкователь. Вейр даст такого к вечеру.

— Мне нужен человек, который способен сказать «не знаю».

— Мира умеет. Поэтому её и не пустят.

— Вы сказали, что печатаете ради её дома.

— Я сказал, что после чужого спора у неё может не остаться дома. Это не одно и то же.

Он снова взялся за перо, но строка вышла кривой.

— Передайте ей схему без толкования, — сказала Елена.

— Как? Мне обыскивают карманы на выходе.

— Не знаю. Придумайте способ, который не поставит её под удар. Если такого нет — не передавайте.

— Удобное поручение. И сделать надо, и не рисковать.

— Именно поэтому решаете вы, а не я.

Тар дописал строку и подул на чернила.

— Четыре сохранённые наборные строки можно собрать снова. Но без рисунка они доказывают только то, что кто-то набрал слова.

— Рисунок перережьте на несколько досок.

— Тогда линии не сойдутся.

— Пусть на каждой части будет участок и метка совмещения. Полную схему нельзя будет изменить незаметно, если части хранят разные люди.

Тар задумался.

— Харс возьмёт одну?

Старший штукатур кивнул.

— Варн вторую, — сказала Елена.

Ученик побледнел, но не отступил.

— Третью оставите себе. Четвёртая нужна человеку вне дворца.

— Мире, — сказал Тар.

— Только если она сама согласится.

Они не называли это защитой доказательств. Пока существовал лишь один маленький осмотр, один рисунок и пятьдесят запертых листов. Но Елена знала, как легко исчезают вещи, если их происхождение хранится в одной голове и одном шкафу.

За окном погас дневной свет. Слуга зажёл лампы в парадном зале. Золотой император на фреске выступил из темноты, а защитный экран под его плащом стал похож на повязку поверх незажившей раны.

Из западной галереи донёсся низкий гул. Пламя в лампе наклонилось к двери. На полке дрогнула коробка с синим образцом.

— Не трогать, — сказала Елена.

Все замерли.

Гул продолжался несколько секунд. Потом стекло в окне тихо звякнуло, хотя ветра не было. Из щели железного шкафа поднялась белая пыль и потянулась тонкой струйкой к парадному залу.

Тар первым посмотрел на часы у двери — песок в верхней колбе почти закончился.

— Время, — сказал он.

Харс распахнул журнал. Елена продиктовала: гул со стороны западной галереи, движение пыли к фреске, дрожание стекла, присутствовали четверо. Тар записал. Варн перевернул песочные часы только после того, как они отметили положение песка.

Через минуту прибежал Карн.

— Кто открыл раму? — спросила Елена.

Он увидел раскрытый журнал и остановился.

— Северный наблюдатель вернулся на свою сторону.

— Размер рамы тот же?

— Тот же.

— Были затруднения?

— Переход задержал край плаща.

— Запишите.

Карн взял перо без спора.

Елена подошла к окну. За экраном ничего нельзя было увидеть, кроме края золотой поверхности. Но теперь связь стала наблюдаемой: переход в западной галерее, гул, движение воздуха, пыль, дрожь стекла. Это ещё не доказывало, что портрет меняет красочный слой. Зато давало повторяемый момент, который можно будет сравнить со следующим.

Вейр обещал ей дорогу домой. Одновременно он вписал её имя в дворцовую книгу, поставил стражника у комнат и оставил себе внешний ключ. Статус защищал стену от шпателя и её саму от немедленного ареста. Тот же статус запирали её внутри дворца и превращал каждый шаг в милость хранителя.

Она достала из-под одежды сложенный первый оттиск. Свежая краска немного смазалась на сгибе, но все четыре имени читались.

— Это должен увидеть человек вне дворца, — сказала она.

Тар не взял лист.

— Если его найдут у Миры, дом она потеряет точно.

— Тогда не Мира.

Харс коснулся наборной метки — раскрытой ладони с литерой.

— Нод ходит через старые водостоки, когда Карн не пускает его в ворота.

Карн поднял голову от журнала.

— Я всё слышу.

— Тогда и это запишите, — сказал Харс. — Просьба вызвать каменщика Нода Арна для осмотра обратной стороны стены и лесов.

Управитель посмотрел на четверых. На столе лежали журнал, схема, коробка с неизвестным синим осколком и один лист, которого официально не существовало. Силой он мог забрать всё. Но тогда первая запись новой книги стала бы записью об изъятии при четырёх свидетелях.

— До утра никто не покидает эту комнату с бумагами или образцами, — сказал Карн. — Господин Вейр решит насчёт каменщика и архивиста.

— Мы тоже не покидаем? — спросил Варн.

— Бумаги. Не вы.

— Запишите распоряжение, — сказала Елена.

Карн записал.

Когда закончил, Елена заперла журнал в сетчатом шкафу. Один ключ остался у неё, один у Харса, один у Карна. Это не было безопасным хранением: двое из троих служили дворцу, а сам шкаф можно было вынести целиком. Но теперь исчезновение потребовало бы действия, времени и свидетелей.

Стражник проводил Елену в восточное крыло. На этот раз внешний ключ повернулся сразу после того, как она вошла. Щелчок прозвучал негромко, почти вежливо.

На столике в гостиной стоял новый предмет — чистый овальный холст размером с ладонь. Рядом лежала записка Вейра: «Первый набросок требует вещи, которую вы держали дома каждый день».

Елена не стала касаться холста. Из кармана она вынула обломок карандаша, лупу, сложенный респиратор и разбитый телефон. Чёрный экран отражал её лицо и комнату за спиной. Ни связи, ни света, ни единой фотографии с целым стеклом.

Телефон был вещью, которую она держала дома каждый день. В нём оставались снимки музейного зала, Лиды, стен, лесов. Если устройство ещё можно включить хотя бы на минуту, Вейр получит изображение места, куда хотел открыть дверь.

Елена завернула телефон в платье и спрятала под матрасом. Смешное укрытие в комнате, которую могли обыскать в любое время. Но отдавать его магу она не собиралась, пока не поймёт, что именно портрет забирает у изображённого человека.

За дверью прошли двое стражников. Один сказал другому:

— Сорок дней осталось.

— Уже тридцать девять, — ответил второй. — День почти кончился.

Елена подошла к окну. В квадрате внутреннего сада стояла ночь, разделённая галереями на четыре равные части. На противоположной стороне сменился караул. Новый стражник тоже сделал вид, что смотрит на водосток.

У неё была должность, запертая комната, журнал с шестью записями, команда на два часа в день и обещание двери домой. До коронации оставалось тридцать девять дней.

Внизу, у западной галереи, снова дрогнул свет.

Глава 4. Пыль на подоконнике

Утром дверь открыли до того, как Елена успела постучать костылём. На пороге стоял Варн с подносом и таким виноватым лицом, будто лично повернул внешний ключ.

— Карн велел принести завтрак и ждать, пока вы поедите.

— Значит, ты теперь ещё и тюремщик?

— Нет. Тюремщику платят больше.

Елена отдала ему нетронутую кашу, взяла хлеб и вышла в коридор. Колено за ночь стало горячим и плотным. Каждый шаг приходилось сначала продумывать, потом делать. У лестницы ждал стул с колёсами, слишком узкий и высокий, с двумя ручками сзади.

— Лекарь прислал, — объяснил Варн. — Сказал, если вы опять полезете на леса, он привяжет вас к нему.

— К стулу или к лесам?

— Он не уточнил.

До парадного зала Елена доехала в кресле, а у лесов пересела на табурет. Харс уже осматривал защитный экран. Все печати были целы. На столе в комнате журнала лежала новая записка Вейра: каменщика Нода Арна разрешалось допустить только к обратной стороне стены и только под надзором Карна. Об архивисте не было ни слова.

— Нод придёт? — спросила Елена.

— Если Карн сумеет его найти, — сказал Харс. — Вчера он запретил ему вход. Нод понимает запреты буквально и теперь приходит через водосток.

Елена открыла журнал. Ночью переходов в западной части не отмечали. Зато в последней строке неизвестный дворцовый мастер записал: «Венечная стена оставалась в покое».

— Кто это видел?

— Ночной стражник, — ответил Варн.

— Он заходил в зал?

— Стоял у двери.

Елена перечеркнула фразу одной линией и рядом написала: «Состояние стены ночью не осматривалось; вход в зал охранялся». Подписалась и попросила Варна поставить свидетельский знак.

— Разница есть? — спросил он.

— Большая. Первая запись говорит о стене. Вторая — о человеке у двери.

Они сняли внешний экран. Золото осталось неподвижным. Елена не стала сразу подходить к трещине. Сначала попросила открыть ставни и не подметать зал.

На чёрном каменном подоконнике лежала пыль. У наружного края — светлая, почти белая. Ближе к стене появлялись серые крупинки, а в углу, куда не доставала тряпка, тянулась тонкая синеватая полоса.

— Вчера её не было? — спросил Харс.

— Вчера никто не записал, была ли она.

Елена достала лупу. В синеватой полосе блестели плоские чешуйки. Они отличались от песка и извести: слишком тонкие, с одинаковым цветом по всей толщине.

— Не трогаем пальцами. Варн, бумажные лотки. Харс, отметь на схеме окно и направление к фреске.

Они разделили подоконник шнуром на восемь участков. С каждого собрали пыль отдельной мягкой кистью, которую сначала провели по чистой бумаге. Елена потребовала записать даже это: чем брали образец и как проверили кисть. Варн вздыхал, но писал.

Синяя полоса оказалась только в трёх участках, ближайших к стене. Её направление совпадало не с окном, а с западной галереей. Там ночью возвращался Орс.

— Значит, это с фрески? — спросил Варн.

— Значит, пыль двигалась со стороны фрески или вдоль неё. Источник пока неизвестен.

— Но цвет тот же, что у осколка из шкафа.

— Похожий на глаз. Этого мало.

Харс принёс две дощечки, капнул на каждую водой и растёр по крупинке из разных образцов. Обычная лазурная пыль окрасила воду. Синий край вчерашнего осколка остался почти целым.

— Связующее другое, — сказал он.

— Или крупинка толще. Или её покрывали сверху. Запишем наблюдение, не причину.

Варн переписал формулировку. На третьей попытке она стала точной: «Пыль с подоконника отдаёт цвет воде быстрее, чем синий край образца из шкафа при одинаковом времени увлажнения».

Они измерили швы вокруг прямоугольного поновления. Верхний золотой слой заходил на старую штукатурку неровно: слева на два пальца, справа почти на ладонь. Под ним шёл отдельный грунт. У нижнего края насечка зубчатым инструментом пересекала старую синюю линию, значит, линию нанесли раньше, чем стену готовили под новый слой. Но серый заполнитель в трещине появился позже обеих росписей: он затёк поверх сломанного края и содержал крупный речной песок, которого не было ни в нижнем грунте, ни в верхнем.

Елена продиктовала последовательность.

Сначала существовала нижняя живопись с синим и красным. Потом её поверхность иссекли зубчатым инструментом, чтобы держался новый грунт. На этом грунте написали золотой плащ и фигуру Первого императора. После появления трещины её частично заполнили серым раствором. Когда именно произошло каждое действие и кто его выполнил, материалы не сообщали.

— А сколько лет между слоями? — спросил Варн.

— Не знаю.

— Можно определить?

— Иногда приблизительно: по составу, способу работы, известным ремонтам. Но «нижний» не значит «древний», а «верхний» не значит «недавний». Между ними мог пройти день или сто лет.

У нижней стойки кто-то хлопнул в ладони.

— Наконец человек, который способен не знать вслух.

Нод Арн был широкоплечим мужчиной лет пятидесяти с бритой головой и седой бородой, заплетённой в две короткие косы. На нём висела кожаная сумка с молотками. Рядом стоял Карн и выглядел так, будто уже пожалел о разрешении.

— Каменщик осмотрит обратную сторону, — сказал управитель. — К живописи не поднимается.

— Мне и здесь видно, что леса связал человек, который хотел убить мастера не сразу, а после долгого ожидания, — ответил Нод.

Харс побагровел.

— Я перевязал их вчера.

— Значит, до вчерашнего дня хотел.

Елена показала Ноду журнал. Он прочитал просьбу о допуске, затем запись Карна об ограничениях и поставил под ней кривой знак.

— К стене сзади ведёт служебная лестница, — сказал он. — Но там заложили дверь.

— Когда?

— Пять дней назад.

Тот же срок, когда освободили шкаф.

Карн вмешался:

— Проход закрыли из-за подготовки к венчанию.

— Чем заложили? — спросила Елена.

— Кирпичом, — сказал Нод. — Если господин управитель не придумал за ночь новый материал.

Они спустились в нижний коридор. За кладовой действительно была свежая кирпичная стенка. Раствор ещё не высох до конца. Нод провёл ногтем по шву и показал белую крошку.

— Внутри добавили толчёную раковину. Так делают в западных мастерских, когда раствор должен схватиться быстро.

— Можно открыть без вреда для парадной стены?

— Можно снять двадцать кирпичей. Можно выбить два и просунуть голову. Можно ничего не трогать и пройти через водосток.

Карн закрыл глаза.

— Никаких водостоков.

— Тогда два кирпича, — решила Елена. — Сначала схема, размеры и образец раствора. Каждый снятый кирпич нумеруем.

— Вейр разрешил осмотр, не разбор дворца.

— Свежая кладка закрывает доступ к стене, которую он поручил исследовать. Запишите отказ, и я попрошу его подтвердить.

Карн смотрел на журнал под мышкой. За сутки книга стала сильнее устного приказа ровно настолько, насколько людям было неприятно оставлять в ней своё имя.

— Два кирпича, — сказал он. — Не больше.

Нод выбрал шов у пола, где кладка не несла нагрузки. Полчаса он снимал раствор узким железом, не ударив молотком ни разу. Первый кирпич вышел целым, затем второй. Из отверстия потянуло холодом.

Елена опустила на колени, сразу пожалела об этом и легла боком на сложенный плащ Варна. Фонарик осветил внутрь.

За новой стенкой оставалось пространство шириной в локоть. Дальше виднелась старая кладка дворцовой стены. На ней шли вертикальные борозды, а между ними белели прямоугольные пятна.

— Там что-то снимали, — сказал Нод.

Он просунул маленькое зеркало. На обратной стороне парадной стены были вырублены неглубокие ниши. Большинство пустовало. В одной остался край деревянной планки, в другой — комок синей ткани.

— Для чего ниши? — спросила Елена.

— Не знаю. Здесь не строят пустоты без причины.

— Можно достать ткань?

Нод измерил расстояние прутом.

— Если вынуть третий кирпич.

Карн покачал головой.

— Сегодня — нет.

Елена не стала спорить. Доступ уже был открыт, расположение ниш нанесено на схему, а отказ записан. Торопливость могла превратить находку в обвинение, будто команда сама подложила ткань.

— Закройте отверстие решёткой, не кирпичом. Поставьте печати Харса, Нода и Карна.

— Вашу тоже, — сказал Карн.

— Моя будет четвёртой.

Когда они вернулись в зал, Тар уже ждал у комнаты журнала. Сегодня его сопровождал другой стражник, молодой и любопытный. Тар принёс деревянную доску с частью схемы: тре-

щина и левый край красного головного убора. У края стояли три маленьких креста для совмещения.

— Остальные части вырезают разные мастера, — сказал он. — Ни один не видел целого рисунка.

— Где четвёртая?

— Пока у меня.

Он увидел Нода.

— Тебя всё-таки впустили через дверь?

— Дверь оказалась хуже водостока.

Тар положил доску на стол и прочитал новые записи. На последовательности слоёв задержался дольше.

— Это можно напечатать без имён фигур.

— Можно. Но двор не разрешит.

— Я не спрашивал про двор.

Стражник у двери переступил с ноги на ногу.

Елена показала Тару схему подоконника. Он наклонился так близко, что едва не коснулся бумаги носом.

— Синяя полоса идёт к западной галерее?

— Она лежала в таком направлении. Мы не знаем, когда появилась.

— Мира говорила, что в старом реестре синим отмечали права прохода.

— Это уже толкование. И откуда Мира знает запрещённый реестр?

Тар поднял на неё глаза.

— Я не говорил, что он запрещён.

— Вейр не допускает её к стене, а Север знает её имя. Несложно догадаться.

Тар попросил чистый лист и перерисовал знак кольца с тремя линиями. Сделал это по памяти слишком точно.

— Ты уже показывал ей знак? — спросил Харс.

— Нет.

— Тогда почему рисуешь без схемы?

Тар помолчал.

— Потому что видел такой знак в детстве. На двери отцовской мастерской, до того как её сожгли.

Он положил перо. На правом запястье натянулась кожаная лента.

— Отец работал на двор. После мятежа его называли доносчиком. Мира искала его имя в реестрах и нашла этот знак рядом с кварталом Хольм. Страница была выскоблена, но в корешке остался синий край.

— Знак принадлежит вашей семье?

— Не знаю. Может быть, мастерской. Может быть, выборным. Может быть, тем, кого отец выдал. Я потому и не хотел печатать слово «мятежник».

Елена подвинула ему журнал.

— Запиши, что ты видел похожий знак в детстве и где. Отдельно — что Мира нашла след в реестре. Не соединяй это в вывод.

— Если запишу имя Миры, Вейр вызовет её.

— Тогда не записывай сведения, полученные от неё, без согласия. Запиши только собственное воспоминание.

Тар вывел несколько строк. Рука у него дрожала сильнее, чем при наборе.

Молодой стражник заглядывал через плечо. Нод повернулся к нему и спросил:

— Ты умеешь отличать несущую стену от перегородки?

— Нет.

— Тогда следи за дверью. Она ближе к твоему ремеслу.

Стражник обиделся, но отступил.

Тар закончил запись и поставил метку. Потом достал из рукава полоску бумаги, узкую, как закладка.

— Мира ответила на вчерашний рисунок.

— Ты говорил, что вас обыскивают.

— Обыска не было. Пока.

На полоске не было ни имени, ни полного знака. Только три короткие строки: «Кольцо с лучами вверх — не герб Хольма. Это метка совместного хранения. Три луча означают три ключа. Ищи второй знак у края синего поля».

— Она уверена? — спросила Елена.

— Мира не пишет «уверена». Она приложила номер полки.

На обороте действительно стояли два числа и буква.

— Что хранится на полке?

— Официально — счета за свечи до основания империи. Неофициально не знаю.

— Нам нужна копия страницы с происхождением, а не пересказ.

— В запрещённый раздел пускают только по печати Вейра.

— Тогда пусть Мира пока ничего не выносит. Нужно проверить второй знак на стене.

Елена поднялась на леса только до первого яруса. Дальше колено не пустило. Варн закрепил зеркало на длинной деревянной ручке, Харс держал лампу. Они осматривали правый край синего участка через уже существующую щель, меняя угол по одному делению на шнуре.

Сначала появлялась только синяя полоса. Потом свет зацепил белый круг и короткую чёрную черту. Ещё правее виднелась вторая черта, но третью закрывал верхний грунт.

— Кольцо? — прошептал Варн.

— Видим часть белой округлой формы и две чёрные линии. Третью предполагаем по симметрии, но не видим.

— Мира сказала искать второй знак.

— Мы ищем форму на стене, не подтверждение Миры.

Тар стоял внизу и записывал. Харс сменил угол лампы. Белая округлая форма оказалась не кольцом целиком, а краем диска, пересечённого синей полосой. Чёрные линии шли от него вверх.

— Похоже, — сказал Тар.

— Похоже, — согласилась Елена. — Но это ещё не тот же знак.

В этот момент из западной галереи пришёл знакомый низкий гул. Лампа качнулась. Синяя пыль на подоконнике поднялась тонким облачком.

— Не двигаться! — крикнула Елена.

Варн удержал зеркало. Харс прижал лампу к стойке. Пыль летела не от фрески к окну, как они предполагали утром. Она поднималась с подоконника и тянулась к щели в золотом плаще.

В отражении синяя полоса под верхним слоем стала ярче. Белый диск дрогнул, будто его увидели сквозь воду. Потом гул оборвался, и пыль осела.

— Теперь мы знаем направление, — сказал Харс.

— Для этого случая, — поправила Елена.

Они отметили время по песочным часам. Карн прибежал через две минуты и сообщил: Вейр открыл западную раму, но никого не проводил — только проверил связь.

— Без человека тоже действует, — сказал Варн.

— На этот раз подействовало открытие рамы, — сказала Елена. — Или серебряный ключ. Или движение изображения. Чтобы разделить причины, нужны разные наблюдения.

Карн посмотрел на поднимающуюся пыль, на зеркало и на полоску Миры в руке Тара.

— Что это?

Тар сжал пальцы.

— Закладка.

— Покажи.

— Это моя бумага.

Карн протянул руку. Стражник у двери положил ладонь на рукоять меча.

Елена спустилась на ярус ниже.

— Если вы изымаете предмет у члена команды, это действие у стены. Сначала внесите его в журнал, опишите бумагу и причину изъятия.

— Не всё во дворце принадлежит вашему журналу.

— Бумага находится в комнате журнала и относится к знаку на исследуемом слое. Сейчас — принадлежит.

Карн медленно убрал руку.

— Господин Вейр прочтёт записи вечером.

— Пусть читает. Полоска останется в запечатанном конверте до согласия автора на указание имени.

— А если автор государственный преступник?

— Тогда вы сначала это докажете, а не впишете задним числом.

Тар выдохнул. Нод усмехнулся в бороду.

Они положили полоску в конверт, описали внешние признаки и поставили пять меток на клапане. Имя Миры в журнал не вошло. Осталось только: «Сообщение внешнего сведущего лица; происхождение временно закрыто ради безопасности; содержит проверяемое указание на второй знак».

К вечеру Нод изготовил железную решётку для двух вынутых кирпичей. Через отверстие теперь можно было наблюдать ниши, не входя в пустоту. Синяя ткань оставалась на месте. Карн поставил печать рядом с остальными.

Перед уходом Тар разделил новую схему на четыре части. Одну доску передал Харсу, одну Варну, одну спрятал в кассе. Четвёртую, с метками совмещения и частью белого диска, завернул в грубую бумагу.

— Мире? — спросила Елена.

— Сначала Ноду.

Каменщик взвесил свёрток в руке.

— Где хранить?

— Не здесь, не дома у Лесков и не там, где вы храните инструменты, — сказала Елена.

— Значит, в месте, куда Карн меня никогда не пустит.

— Таких мест слишком много, — проворчал управитель.

— Потому и выберу легко.

В журнале за день появилось четыре страницы. Они не называли людей под золотым плащом и не доказывали права Хольма. Зато фиксировали порядок слоёв, свежую кладку, пустые ниши, неизвестную синюю ткань, движение пыли при открытии рамы и частичное совпадение двух знаков.

Вейр пришёл после заката. Прочитал всё стоя. На записи Тара о знаке отцовской мастерской задержал палец.

— Леск, — произнёс он. — Я нанимал тебя складывать литеры, а не семейную историю.

— Я записал наблюдение, которое может помочь узнать знак.

— Твоего отца осудили за передачу списков Северу.

— Я знаю, за что его осудили. Не знаю, что он сделал.

Вейр перевернул страницу.

— Кто внешнее сведущее лицо?

— Пока не установлено, — ответила Елена.

- Вы запечатали сообщение, не установив автора?
 - Тар установил. Я не раскрываю имя без согласия, пока сообщение не проверено.
 - В моём дворце нет тайны от хранителя переходов.
 - Тогда запишите требование раскрыть имя и возьмите ответственность за последствия.
- Вейр посмотрел на Карна. Управитель молча подал перо.
- Маг не взял его.
- Завтра к вам придёт архивист Дерн Саваль. Он определит знак.
 - По каким записям?
 - По тем, к которым допущен.
 - А если нужная запись лежит среди счетов за свечи?
- Вейр едва заметно изменился в лице. Значит, номер полки что-то ему говорил.
- Не советую искать двери, которые закрыли до вашего появления.
 - Я ищу происхождение изображения.
 - В Астере это часто одна и та же дверь.

Он велел Карну запереть журнал и ушёл. В западной галерее за ним дрогнул свет.

Елену снова проводили в восточное крыло. На столе рядом с маленьким холстом лежал угольный набросок её лица. Художник работал без неё: взял черты то ли из дворцовой памяти, то ли из отражения в одной из рам. Глаза на рисунке смотрели чуть в сторону, на невидимую дверь.

Под наброском Вейр написал: «Первое сходство найдено».

Елена перевернула лист лицом вниз. Потом вынула телефон из-под матраса. Стекло было разбито, корпус погнут. Она нажала кнопку, не ожидая ответа.

Экран вспыхнул на одно мгновение.

На нём появилась фотография музейной стены. В нижнем углу стояла Лида с папкой, сердитая и живая. За её спиной темнел прямоугольник снятой поздней записи — то самое место, которое Елена расчищала перед падением.

Экран погас.

В маленьком чистом холсте напротив на миг отразилось музейное окно.

Елена завернула телефон уже не в платье, а в лист свинцовой фольги из набора позолотчика, который Варн принёс для проб. Если портрет ловил не вещь, а изображение, одного тайника было мало.

За дверью повернулся ключ. На противоположной галерее сменился стражник.

Елена села у окна и переписала по памяти последовательность слоёв на обороте дворцовой карточки со своей должностью. Нижняя живопись. Насечка. Новый грунт. Золотой император. Поздний серый ремонт. Свежая кладка за стеной. Пустые ниши.

Ни одно имя ещё не было доказано.

Но кто-то за пять дней до её появления вынес из ниш вещи, освободил шкаф и заложил проход. Этот человек знал, что именно предстоит искать.

Глава 5. Описание, которого не было

Утром на столе лежали два одинаковых листка.

На одном Первый император принимал присягу от покорённых городов. На другом — тоже. В обоих текстах говорилось, что фреску создали в год Объединения и с тех пор лишь освежали краски. Оба завершались одной датой, одной печатью Южного двора и подписью хранителя переходов.

Тар поставил листки рядом, прижал углы свинцовыми брусками и сказал:

— Один напечатали двенадцать лет назад. Второй — позавчера.

Елена сняла перчатки. После ночи колено распухло, костыль скользил по натёртому воском полу, а в голове не уместилась ещё одна вещь, которая выглядела старой и старой не была.

— Как отличил?

— Не по бумаге. Бумагу для дворцовых описаний делают одной партией и держат в сухом подвале. Не по краске: сажу можно растереть заново по старому рецепту. По буквам.

Он дал ей лупу и указал на слово «покорённых». В старом листке нижняя ножка буквы «р» была тонкой и чуть загибалась влево. В новом — заканчивалась тупым прямым срезом. У «н» перемычка стояла выше, а в круглом «о» виднелась крошечная выемка.

— Три года назад двор заказал новый комплект литер, — продолжил Тар. — Старые распознались от долгой работы. В новых мастер Кест сделал насечку на боковине, чтобы ученики не путали два шрифта. В оттиске её не видно, но его «о» всегда даёт эту щербинку. Он слишком глубоко выбрал металл.

— Значит, позавчера ты набирал старую дату новыми литерами.

— Я набирал текст с доски, которую принёс Карн. Дату видел. Тогда решил, что это перепечатка старого описания взамен испорченного тиража.

— А теперь?

Тар вынул третий листок. Тот самый, из двухсот экземпляров, напечатанных до их первого совместного осмотра. Бумага ещё пахла маслом. Дата стояла старая, а тупые ножки и щербатые «о» повторялись строка за строкой.

— Теперь я решил проверить, существовало ли описание двенадцать лет назад.

Дверь комнаты журнала была открыта, но у неё стояли сразу два стражника. Карн назначил их после вечернего визита Вейра. Один следил за руками Тара, второй — за Нодом, который пришёл проверить печати на решётке. Харс и Варн уже готовили сухой экран у трещины.

Елена спросила:

— Старый лист откуда?

— Из дворцового собрания обязательных описаний. Его выдал Дерн Саваль.

— И он действительно старый?

— Этого я не сказал.

Тар перевернул лист. На обороте проступал водяной знак — птица с распущенным хвостом. На свежем листке была такая же птица.

— Мельница поставляет эту бумагу двадцать лет, — сказал он. — Лист мог пролежать двенадцать. Мог неделю. Края старого потемнели, но их держали над паром и натирали пылью. Здесь, в сгибе, пыль легла поверх залома. Если бы лист хранили сложенным, было бы наоборот.

Елена посмотрела на него поверх лупы.

— Ты уверен?

— Я уверен, что лист старили после того, как сложили. Не уверен, когда его напечатали.

— Тогда так и запишем.

Карн вошёл вместе с архивистом. Дерн Саваль оказался сухим высоким человеком в серой одежде без единого пятна. Даже ногти у него выглядели отполированными. Под мышкой он нёс короб из тёмного дерева, перевязанный синей тесьмой.

— Ничего записывать не придётся, — сказал Дерн. — Я принёс подлинное описание и книгу выдачи.

Тар не убрал листы.

— Подлинное — потому что так написано в книге?

— Потому что оно хранилось в закрытом собрании задолго до того, как ты научился ставить литеры ровно.

— Тогда книга покажет, когда его приняли.

Дерн поставил короб на отдельный стол. Карн потребовал освободить место, и Елена молча передвинула журнал вмешательств ближе к себе. Архивист развязал тесьму, вынул толстую книгу и раскрыл на закладке.

Запись сообщала, что в год Объединения хранителю передали двести описаний парадной фрески. Чернила побурели, края букв расплылись в бумаге. Под строкой стояли три подписи.

— Вот происхождение, — произнёс Дерн. — Дата, число листов, имена приёмщиков.

Елена наклонилась, не касаясь страницы.

— Эта запись говорит о двухстах описаниях. Как установить, что лист перед нами — один из них?

— Он лежал в соответствующем ящике.

— А ящик когда печатавали в последний раз?

— Каждый год.

— Кто открывал его между проверками?

Дерн поджал губы.

— Закрытое собрание не проходной двор.

— Значит, список открытий короткий.

— Вы приглашены исследовать стену, госпожа Воронцова, а не порядок дворцового хранения.

— Этот лист предлагают как доказательство возраста изображения. Теперь порядок хранения относится к стене.

Тар кашлянул, скрывая улыбку. Карн постучал ногтем по столу.

— Покажите книгу доступа, Дерн.

Архивист повернул к нему голову.

— У вас нет допуска.

— В таком случае я запишу, что подлинность заявлена без доступной проверки.

Карн сказал это с явным неудовольствием, будто Елена за четыре дня заразила его болезнью письменной ответственности. Дерн медленно закрыл книгу выдачи.

— Проверьте литеры, если вам угодно. Значение фрески от этого не изменится. Кольцо с тремя лучами — знак трёх побеждённых городов, добровольно сложивших ключи к воротам перед Первым императором. Синее поле обозначает реку, через которую пришли его войска. На парадной стене показано не собрание выборных, а сдача Хольма, Ренны и Васта.

Толкование было гладким. Оно объясняло и три линии, и синее поле, и людей рядом с императором. Даже пустые ниши за стеной могли оказаться местами для памятных ключей. Елена почувствовала почти физическое облегчение: наконец кто-то принёс законченную историю вместо щелей, пыли и осторожных «не знаем».

И именно поэтому история требовала проверки.

— Где ещё встречается этот знак? — спросила она.

— На печатях покорённых городов.

— Покажите.

Дерн вынул из короба три восковых слепка. На каждом было кольцо, от которого вверх шли три короткие линии. Вокруг стояли названия городов.

Тар взял один слепок за край.

— Свежий воск.

— Слепки сделаны для работы, — ответил Дерн. — Подлинники нельзя носить по залам.

— С каких подлинников и когда?

— Из городских грамот.

— Номера полок?

Дерн назвал три шифра. Ни один не совпадал с номером, присланным Мирой.

Елена открыла журнал.

— Зафиксируем вашу версию отдельно. Затем сравним форму без названий.

— Вы держите перед собой подписи.

— На свежих слепках. Если я сначала приму подпись, рука сама начнёт искать сходство.

Тар, можешь сделать увеличенные оттиски знаков, не перенося надписи вокруг?

— Могу. Но не здесь: нужен пресс.

— Варн снимет размеры видимой части знака на стене. Нод проверит расположение ниш.

Харс посмотрит, повторяется ли синяя полоса в других открытых трещинах. А вы, Дерн, если согласны, укажете, из какой части каждой грамоты взят знак и что именно там сказано о сдаче ключей.

— Вы сомневаетесь в архиве.

— Я сомневаюсь в любом одиночном ответе. В собственном тоже.

Они начали со стены. Варн поднялся на первый ярус с зеркалом, измерительной нитью и бумажной шкалой. Елена осталась внизу: колено ныло так, что в глазах темнело при каждом шаге. Она диктовала порядок действий, а Харс держал лампу под тем же углом, что накануне.

Белый диск под золотым плащом был виден меньше чем наполовину. От него поднимались две чёрные линии; предполагаемая третья оставалась под верхним грунтом. Варн отметил расстояние между линиями.

— На слепках лучи расходятся, — сказал он. — На стене эти две почти параллельны.

Дерн ответил снизу:

— Живописец приспособил знак к складке одежды.

— Возможно, — сказала Елена. — Запишем как объяснение. Есть ли след складки?

Харс сменил зеркало. Синяя полоса шла прямо, без изгиба. Чёрные линии пересекали её и продолжались выше, насколько позволяла щель.

— Если это сложенные ключи, у них должны быть бородки или кольца, — сказал Тар.

— Знак условный, — отрезал Дерн.

— Если это лучи, почему они чёрные?

— Потому что краска изменилась.

Елена попросила Харса осмотреть чёрную линию у края скола. Он поднёс лупу, долго молчал, потом подозвал Варна.

— Это не краска, — сказал штукатур. — Похоже на щель между досками или рейками. Края слишком ровные.

Елена всё-таки поднялась на один пролёт. Боль ударила под коленную чашечку, но Варн подставил плечо и не сделал вид, будто спасает её. Через лупу линия выглядела не написанной, а продавленной в сыром грунте. В углублении позже скопилась чёрная пыль.

— Не луч, — сказала она. — По крайней мере эта линия не нарисована чёрным пигментом. Это край предмета или оттиск. Нужно увидеть больше.

— И ради этого вы предлагаете повредить государственную фреску? — спросил Дерн.

— Нет. Ради этого я предлагаю не называть две видимые борозды тремя ключами.

Нод ждал их у свежей кладки. Печати на решётке были целы, но на нижнем пруте появилась светлая царапина. Каменщик провёл по ней пальцем.

— Железо задевали изнутри.

Карн присел рядом.

— Там никто не мог пройти.

— Через эту дыру — нет. За нишами может быть ход.

Нод направил внутрь фонарь. Синяя ткань всё ещё лежала в дальней нише, но теперь её край свисал ниже. Вчера он был собран плотным комком.

— Кто-нибудь касался решётки? — спросила Елена.

Оба стражника отрицательно покачали головами. Один дежурил первую половину ночи, второй — вторую. Они видели друг друга при смене и проверяли печати, но не заглядывали в отверстие.

— Значит, мы знаем только, что печати снаружи не нарушены, — сказала Елена. — Положение ткани изменилось. Причина неизвестна.

Нод просунул в решётку тонкий прут с крючком, не дотрагиваясь до ткани, и измерил нишу.

— Три углубления идут на одной высоте. Если там лежали ключи, каждый был длиной почти в локоть.

Дерн пожал плечами.

— Обрядовые ключи делали большими.

— А крепили как? — спросил Нод.

— На планках.

Каменщик показал остаток дерева в средней нише.

— Планка стоит поперёк, следы креплений уходят к боковым стенкам. На ней лежало что-то широкое и плоское. Три длинных ключа сюда можно засунуть, но показывать их через лицевую стену было нельзя. Ниши закрыты кладкой фрески с самого начала.

— Реликвии хранили скрыто.

— Тогда зачем изображать их снаружи как доказательство сдачи? — спросил Тар.

Дерн перестал отвечать.

Елена попросила зарисовать всё: длину ниш, положение планки, расстояние до синей ткани, новую царапину. Удобное толкование не рассыпалось окончательно. Обрядовые ключи могли быть плоскими, знак мог меняться на стене, ткань могла сдвинуться от сквозняка. Но каждый новый ответ Дерна требовал отдельного допущения, которого не было в предъявленных документах.

После полудня Тару разрешили на час вернуться в типографию. С ним отправились Варн и один из стражников. Елена осталась у стены и занялась листками.

Она разложила старый и свежий оттиски под косым светом. На старом бумага была тёмной по краям и почти белой внутри букв. Если лист долго лежал на воздухе, открытые углубления тоже должны были собрать пыль. Она осторожно провела мягкой кистью по полю рядом с датой. Серая взвесь снялась, открывая равномерно светлую бумагу.

— Его пачкали, — сказал Харс.

— Похоже. Но пачкали ли намеренно или он лежал в грязном ящике — пока не знаем.

Дерн сидел у окна и переписывал журнал для Вейра. Его перо замерло.

— Архивные листы не обязаны стареть по вашим правилам.

— У бумаги нет правил, — ответила Елена. — Есть условия. Свет, влага, пыль, прикосновения. Мы пытаемся восстановить их.

Она измерила поля. На обоих листках строка заканчивалась одним и тем же переносом, хотя новый набор можно было расположить плотнее. Значит, Тару дали не просто текст, а образец с точной длиной строк. Или старый лист напечатали с сохранённых форм.

— Формы двенадцатилетней давности сохранились? — спросила она.

— Набор разбирают после тиража, — ответил Тар раньше Дерн. — Металл нужен снова.

— А деревянная доска с текстом?

— Описания не режут целиком на доске. Слишком много мелких букв.

Дерн сказал:

— Перепечатчик мог старательно повторить старое расположение. Это уважение к подлиннику, а не преступление.

— Мог, — согласилась Елена. — Тогда во дворце должен быть подлинник, с которого он повторял.

Архивист положил ладонь на короб.

— Он перед вами.

— Нет. Перед нами лист, происхождение которого вы пока не дали проверить.

Вернулись Тар и Варн. Тар нёс четыре пробных оттиска, Варн — маленькую закрытую кассу с литерами. Стражник выглядел сердитым и держал руки подальше от чёрной краски.

— Кест подтвердил: новый шрифт отлили три года назад, — сказал Тар. — Вот «о» со щербинкой, вот «р» с прямой ножкой. А это оттиск старой «р», оставшейся в запасной кассе.

Он положил образцы рядом. Разница была ясна даже без лупы, когда знаешь, куда смотреть.

— Теперь главное. Старый дворцовый лист набран новым шрифтом. Не отдельная ремонтная буква. Новые «о» и «р» повторяются по всему тексту.

Дерн не посмотрел на оттиски.

— Дата относится к событию, а не ко времени печати.

— В заголовке написано: «Описание, изданное в год Объединения», — сказал Тар. — Не «описание события года Объединения».

Карн взял лист и прочитал заголовок дважды.

— Кто передал его вам?

Дерн выпрямился.

— Он находился в ящике.

— Когда вы впервые его видели?

— Сегодня утром.

В комнате стало тихо. Даже стражник у двери перестал перекладывать вес с ноги на ногу.

— Кто велел взять именно этот ящик? — спросил Карн.

— Господин Вейр прислал шифр.

Дерн произнёс это неохотно, но без страха. Он словно всё ещё верил, что имя хранителя превращает любую дыру в доказательство.

Елена подвинула к себе свежий листок Тара и так называемый старый.

— Мы можем установить следующее. Оба напечатаны литерами, которые существуют не больше трёх лет. Один из листов искусственно или случайно загрязнён после сгиба. В книге выдачи есть запись о двухстах описаниях двенадцатилетней давности, но связь этой записи с предъявленным листом не показана. Заголовок выдаёт время печати за время события.

— И что это доказывает о стене? — спросил Дерн.

— Само по себе — ничего. Но у стены и у листа один способ убеждать. Позднюю вещь кладут поверх ранней, сохраняют старую дату и рассчитывают, что никто не посмотрит на место соединения.

Тар провёл пальцем над тупой ножкой «р», не касаясь бумаги.

— На стене место соединения — новый грунт и насечка. Здесь — новые литеры.

— Это красивое сравнение, — сказал Дерн. — Красивое сравнение не является доказательством заговора.

— Верно, — ответила Елена. — Поэтому слово «заговор» мы не запишем.

Она продиктовала вывод без него. Тар внёс признаки шрифта. Харс — последовательность штукатурных слоёв. Варн нарисовал две отдельные схемы, чтобы сходство не превратилось в подмену: одну для стены, вторую для листа. Нод добавил размеры ниш и положение планки. Дерну предложили записать возражение собственноручно.

Он написал: «Поздняя перепечатка не меняет истинности описанного события; знак трёх ключей известен архиву». Подписался и поставил время.

— Теперь дайте номера грамот со знаком, — сказал Тар.

— Я уже дал.

— И разрешение сверить слепки с подлинниками.

— Это решает хранитель.

Карн велел составить запрос. Дерн собрал короб, но книгу выдачи ему не вернули: она оставалась в комнате журнала до ответа Вейра, под печатями архивиста, управителя и Елены.

Когда архивист ушёл, Нод закрыл дверь и сказал:

— Слишком быстро он согласился оставить книгу.

— Потому что нужная нам книга, вероятно, другая, — ответил Тар.

Он вынул из кармана полоску тонкой бумаги. Не сообщение Миры — пробный оттиск, сделанный в типографии. На нём стоял только ряд цифр и букв.

— Шифр со старого листа ведёт не к книге выдачи. В правом нижнем углу есть слепая метка: её видно, если смотреть на свет. Так помечают временные дворцовые тиражи перед утверждением. Номер набора — пятидневной давности.

Пять дней. Освобождённый шкаф. Свежая кладка. Вынутые предметы из ниш. Подготовленный лист, которому придали возраст. И приезд чужой реставраторши, назначенной Вейром сразу после падения.

— Почему не сказал при Дерне? — спросила Елена.

— Хотел сначала проверить книгу заказов. Страница за этот день вырвана.

— Кто видел?

— Варн и стражник. И мастер Кест видел след от ножа в корешке.

Варн кивнул.

— Остался узкий край. На нём нижняя половина той же цифры.

Елена почувствовала холод, хотя в зале было душно от ламп. До сих пор неизвестный человек готовил подмену вокруг стены. Теперь у подготовки появлялась общая дата и почерк: не художественный, а рабочий. Закрывать доступ. Освободить место. Сделать старым новый лист. Подвести официальное описание к верхнему слою.

— Запишем наблюдение сейчас, — сказала она. — Без предположения, кто заказчик. Завтра запросим страницу до вырванной и после неё, образец метки и показание Кеста.

Карн нахмурился.

— Кеста могут убрать из типографии до утра.

Тар посмотрел на него с удивлением.

— Вы это сказали.

— Я сказал, что двор меняет работников по своему усмотрению.

— Тогда его показание нужно взять сегодня, — сказала Елена.

— Вейр не позволит вывести вас из дворца.

— Мне не нужно выходить. Приведите Кеста как специалиста по литерам. Основание уже в журнале.

Карн долго смотрел на запёртую книгу выдачи. Затем отправил молодого стражника с письменным вызовом, поставив собственную печать.

С западной стороны дворца донёсся низкий гул.

На этот раз Елена не успела приказать всем замереть. В решётке за свежей кладкой звякнул металл. Синяя ткань дёрнулась и медленно поползла из ниши, будто её тянули с другой стороны.

Нод бросился к отверстию, но остановил руку в ладони от печатей.

— Не трогать! Свет сюда.

Харс поднёс фонарь. Из складки ткани показался плоский тёмный край. Не ключ — дощечка или тонкая металлическая пластина шириной с ладонь. На ней белела часть круглого знака.

Ткань продвинулась ещё на палец и замерла. Гул стих.

Все печати оставались целы.

— Теперь можно достать? — спросил Варн.

Елена посмотрела на Карна. Управитель уже раскрыл журнал на чистой странице.

— Сначала опись, — сказал он. — Потом третья кирпичина.

Тар подошёл к окну, словно ему не хватало воздуха. На стекле дрожал его отсвет, а за спиной, в западной галерее, одна из пустых рам наполнилась серебряной мглой.

Елена машинально коснулась кармана, где под платьем не было телефона. Аппарат остался в восточной комнате, завернутый в свинец. И всё же ей показалось, что за стеной, очень далеко, коротко завибрировало разбитое стекло.

Вейр проверял переходы. Или звал её портрет.

На столе два листка с одной старой датой лежали рядом. Теперь различить их было легко. Труднее было понять, сколько ещё новых вещей во дворце уже получили древние имена.

Глава 6. Вдова живописца

Третью кирпичину сняли не сразу.

Карн велел закрыть западную раму ставнями, хотя серебряная мгла уже исчезла. Нод проверил раствор вокруг отверстия, Харс укрепил край двумя досками, а Варн принёс чистую холстину. Елена заставила себя не смотреть в сторону восточного крыла. Если спрятанный телефон и правда отзывался на незаконченный портрет, спешка всё равно не помогла бы. Сейчас перед ними была вещь, которую кто-то замуровал пять дней назад и которая сама сдвинулась при работе перехода.

На первом листе описи Тар нарисовал решётку, печати и свисающий край синей ткани. На втором Нод отметил свежую кладку и номер вынимаемого кирпича. Карн назвал имена обоих стражников, время смены и то, кто держал ключи от зала. Дерн стоял у дальней стены, не возражая, но и не приближаясь.

— Если мы найдём государственную реликвию, — сказал он, — её надлежит передать хранителю.

— Сначала мы найдём то, что там есть, — ответила Елена. — Потом запишем состояние и решим, кому передавать.

— Такие решения уже приняты до нас.

— Тогда вам будет нетрудно указать запись.

Дерн сжал губы. Запечатанная книга выдачи лежала в комнате журнала, а разрешения на старые грамоты всё ещё не было.

Нод подрезал серый раствор тонким зубилом. Работал он медленно, принимая каждый кусок на сложенную вчетверо ткань. Когда кирпич вышел, отверстие стало достаточно широким для руки, но Елена запретила тянуть находку вслепую. Сначала туда внесли маленькое зеркало на деревянной ручке.

В отражении показалась плоская медная пластина. Синяя ткань оборачивала её дважды и была прижата обломком планки. От дальнего угла уходил тонкий шнур. Он тянулся в щель между камнями задней стенки.

— Вот почему она двигалась, — сказал Нод.

— Возможно, — поправила Елена. — Мы не видим, куда уходит шнур.

Он подsunул под пластину широкую лопатку, Харс придержал ткань деревянными щипцами. Шнур натянулся. В глубине что-то тихо звякнуло.

— Не резать, — сказала Елена.

Нод расширил отверстие сбоку ещё на толщину пальца. Теперь стало видно, что шнур не привязан к пластине. Он проходил через медное ушко на её обороте и дальше уходил в стену. Когда западный переход начинал гудеть, шнур тянул находку к задней кладке; когда отпускал, пластина под собственным весом съезжала вперёд.

— Значит, её не вытаскивали изнутри, — сказал Карн.

— Мы знаем только устройство движения, — ответила Елена. — Не назначение.

Она попросила Тара зарисовать ушко и ход шнура. Потом Нод приподнял пластину, а Харс освободил ткань из-под обломка. На полотно положили сначала ткань, затем металл. Каждый шаг Тар записывал вслух, чтобы остальные могли остановить его при ошибке.

Пластина была размером с две ладони. Зелёная медь проступала по краям, середина оставалась тёмной от копоти или старого лака. На лицевой стороне белел круг, пересечённый тремя тонкими линиями. Не лучами, как на слепках Дерна: две линии шли почти рядом, третья изгибалась и уходила под край белого пятна. Внизу сохранились синие мазки, по цвету близкие к скрытому полю на стене.

Елена поднесла лупу, не касаясь поверхности.

— Белое не написано прямо по меди. Здесь грунт. По краю есть насечка, а сверху другой состав.

— Опять слой поверх слоя, — сказал Варн.

— Похоже. Но снимать ничего не будем.

Тар наклонился к третьей линии.

— Это не ключи.

— Мы ещё не знаем, что это.

— Зато знаем, что знак на стене повторяет эту вещь.

— Или вещь повторяет знак на стене. Порядок пока не установлен.

Дерн неожиданно подошёл ближе.

— Обрядовые пластины носили перед знаменем. Три линии могут быть тремя дорогами к столице.

— Могут, — сказала Елена. — Запишите это как версию.

На обороте под копотью обнаружили неглубокие царапины. Они напоминали буквы, но шли зеркально. Тар попросил тонкую бумагу, положил её сверху и мягко провёл углём. На оттиске выступили три коротких слова и край четвёртого.

— «Не передавать одному», — прочитал он.

Карн повторил фразу тише.

Дерн сказал, что последнего слова нет и смысл может быть другим. Тар согласился: целиком читались только «не передавать», от следующего слова сохранились первая и последняя буквы. В опись внесли именно это.

Синяя ткань оказалась не мешком, а частью одежды. Вдоль одного края шёл узкий шов, у другого сохранилась вышивка: пять серебряных стежков и оборванная шестая петля. Варн заметил на ткани бурое пятно. Елена остановила его руку.

— Не кровь, пока не доказано. Может быть ржавчина от меди, клей или краска.

Она вырезала бы микроскопический образец в своей мастерской, под лампой и с нужными растворами. Здесь любое испытание могло уничтожить больше, чем объяснить. Ткань расправили, не разглаживая складки, и накрыли сверху редкой сеткой. Пластины положили отдельно на четыре восковых опоры. Шнур не вынимали: Нод закрепил его в том положении, в каком нашли, и опечатал щель.

К полудню опись занимала семь листов. Под ней подписались Елена, Нод, Харс, Тар, Варн, Карн и оба стражника. Дерн добавил возражение: принадлежность пластины к нижнему слою фрески не установлена. Елена попросила вписать и это. Чем яснее граница между находкой и выводом, тем труднее кому-нибудь будет объявить их одним готовым рассказом.

Мастера Кеста привели, когда последний лист ещё сох.

Он был маленьким, широкоплечим человеком с серыми усами и синей полосой краски на манжете. За ним вошли двое дворцовых стражников и тот молодой караульный, который ездил в типографию. Кест поклонился Карну, потом увидел Тара и перестал изображать спокойствие.

— Мастерская заперта, — сказал он. — Людей распустили до особого приказа. Мне велели взять сменную рубаху и явиться сюда.

Тар выругался вполголоса.

— Кто велел?

— Писарь с западной печатью. Имени не назвал.

Карн потребовал описание писаря и печати. Кест описал узкое лицо, красный ворот и знак раскрытой ладони над рамой. Дерн подтвердил, что такой печатью пользуется служба переходов Вейра, но один и тот же оттиск имеют несколько писарей.

Елена не стала сразу спрашивать о вырванной странице. Сначала Кест осмотрел два спорных листка, запасную кассу и пробные оттиски Тара. Он назвал отличительные буквы, год отливки и мастера, который делал матрицы. Затем ему показали слепую метку на просвет.

— Номер двести восемнадцать, — сказал Кест. — Набор закрыт пять дней назад, перед вечерним колоколом.

— Что значит «закрыт»? — спросила Елена.

— Форму проверили, сделали пробу, заказчик принял. После этого печатают тираж или разбирают набор.

— Вы видели заказчика?

— Нет. Заказ принёс дворцовый посыльный. Лицо было закрыто от пыли.

— Кто принял текст?

Кест посмотрел на Тара.

— Я. Он был переписан набело, с указанием длины каждой строки. Платили за точное повторение старого листа. Я отдал работу Тару, потому что он лучше держит длинный набор.

Тар отвернулся к окну.

— Ты не сказал, что это дворцовый заказ.

— Мне велели не говорить до раздачи.

— А дату ты видел?

— Видел.

— И всё равно дал мне набирать двенадцатилетний лист новыми буквами.

— Я решил, что готовят памятный оттиск.

В голосе Кеста прозвучало не оправдание, а усталость человека, который слишком много раз соглашался не задавать последний вопрос. Елена знала эту интонацию. В музее подрядчик мог назвать цемент известковым раствором, потому что начальству требовалось закрыть трещину до визита комиссии. Каждый видел маленькую часть подмены и убеждал себя, что целое кому-нибудь известно.

— Страница книги заказов, — сказала она. — Когда вы видели её целой в последний раз?

Кест ответил после паузы:

— Утром следующего дня. Я проверял оплату. Номер, дата, вес бумаги, двести листов и доплата за старение.

Дерн поднял голову.

— Так и было написано — «за старение»?

— «За обработку складов и пыли». Но мы между собой называем это старением.

— Кто выполнил обработку?

— Посыльный забрал чистый тираж. Не мы.

Кест рассказал, что страницу обнаружил вырезанной сегодня утром. Нож вошёл близко к корешку, однако оставил узкую полоску с нижней частью номера. Он показал на пробном листе, какую цифру можно восстановить по обрезку. Варн и молодой стражник подтвердили, что видели ту же полосу до того, как мастерскую заперли.

Тар записал показание, прочитал его Кесту дважды и попросил исправить слово «вечером» на «между вечерним и последним колоколом». Кест поставил подпись, затем попросил дать отдельный лист.

— У меня семь человек, — сказал он. — Двое живут при мастерской, остальные снимают углы рядом. Если двор решит, что это они вырезали страницу, их возьмут раньше, чем меня отпустят отсюда.

— Кто знает их имена? — спросил Карн.

— Вся улица.

Он написал список работников и адреса. Карн послал стражника предупредить городского судью, что эти люди являются свидетелями дворцового дела и не должны быть задержаны без его уведомления. Тар хотел возразить, что печать управителя не остановит службу Вейра, но Елена видела: даже слабая запись лучше молчания, если её копии уходят в разные руки.

Один экземпляр оставили у Карна, другой Кест спрятал под рубахой, третий Тар набрался отпечатать при первой возможности.

После показания Кеста находки перестали быть случайным рядом. За пять дней до падения Елены кто-то заказал точную копию старого описания, велел состарить листы, освободил шкаф и заложил нишу. Но имя заказчика по-прежнему отсутствовало. Печать службы переходов связывала работу с ведомством Вейра, а не с самим магом. Карн настоял, чтобы именно так написали в журнале.

— Теперь Сава, — сказал он. — Если она ещё согласится войти.

Вдова ждала не во дворце. Она отказалась проходить через ворота и сидела в мастерской камнерезов напротив северной стены. Карн разрешил Елене выйти лишь с шестью стражниками. Тар пошёл как писец, Нод — как человек, знавший хозяина мастерской. Пластины оставили в запертой комнате под тремя печатями; с собой взяли рисунки, угольный оттиск и маленькую копию открытого участка стены.

Сава Рель оказалась высокой женщиной лет пятидесяти с коротко обрезанными седыми волосами. Она стояла у окна и перебирала каменные пуговицы, раскладывая их по цвету. На столе лежала дорожная сумка. Елена заметила, что ремень застёгнут и рядом приготовлен плащ.

— Покажите рисунок, — сказала Сава вместо приветствия.

Тар развернул копию нижнего слоя. Вдова не взглянула на лица. Она сразу указала на синее поле, потом на тонкую белую дугу у плеча скрытой фигуры.

— Это рука Овена.

— По каким признакам вы узнаете? — спросила Елена.

Сава посмотрела на неё жёстко.

— Вы хотите, чтобы я доказала, что знала руки мужа?

— Я хочу записать не только ваш вывод. Если рисунок завтра назовут ошибкой, останется способ проверить.

Вдова снова склонилась над листом.

— Он не умел вести длинную дугу одним движением. Ставил кисть дважды. Первый мазок тоньше, второй входит сверху и оставляет маленькое утолщение. Учитель бил его за это по пальцам. Потом заказчикам стало нравиться, будто ткань натягивается на ветру.

Она показала место стыка. На копии оно выглядело случайной тенью.

— А синее поле?

— Нижний край он писал сухой кистью по сырой извести, чтобы цвет распадался зерном. Так делали в мастерской Реля.

— Кто ещё так делал?

— Все, кого он выучил.

Сава перечислила девять имён. Двое умерли, один уехал на Север, шестеро жили в Южной столице и работали на дворцовых, храмовых и частных заказах. Трое из них были подмастерьями во время последней большой переписи парадного зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.